

Протоиерей Ливерий Воронов: Слово на литургии

Проповедь

* Проповедь в храме Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) Духовной академии, опубликована в Вестнике Ленинградской Духовной академии, 1991, № 1, с. 83–86.

19 февраля 1990 г. Неделя 1-ая Великого поста. Торжество Православия.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Празднование, которое Святая Церковь ныне совершает, носит название Торжества Православия. Оно установлено в связи с великой духовной победой Церкви над ересью иконоборчества, которая волновала христианский мир на протяжении более столетия. Константинопольский Собор 842 года, под председательством святого патриарха Мефодия, восстановил гонимое и утесняемое иконоборцами почитание святых икон: почитание, существовавшее в Церкви с апостольских времен и провозглашенное в качестве догмата православной веры святым Седьмым Вселенским Собором. Это радостное событие отмечено было в следующем 843 году большим церковным торжеством, и тогда же решено было посвящать его памяти ежегодно первый воскресный день Великого поста.

Поскольку, однако, ко времени победы над иконоборчеством Церковь в длительной борьбе с различными ересями авторитетно разъяснила и точно определила на семи Вселенских Соборах основные истины или догматы православной веры, то празднуемое ныне событие стали впоследствии называть уже не просто торжеством восстановления иконопочитания, а торжеством святого Православия вообще.

Словом «Православие» обозначается истинная вера, ни в чем не отступающая от Божественного Откровения, дарованного Церкви в Священном Писании и хранимого Ею в живом потоке Священного апостольского и святоотеческого Предания.

Основатель Церкви Господь наш Иисус Христос, Сам наименовавший Себя Божественной Истиной и Жизнью (Ин 14: 6), вверил бесценное сокровище истинной веры Своим ученикам и апостолам, а через них Своей Святой Церкви, заповедав всем верующим, особенно же архипастырям и пастырям, хранить ее неповрежденно, передавая евангельское благовестие от поколения к поколению.

Господь даровал Церкви и необходимую для исполнения этой заповеди Божественную помощь. Он обещал Сам невидимо, но неотлучно пребывать в ней до скончания века (Мф 28: 20), будучи, по прекрасному выражению приснопамятного митрополита Московского Филарета, «ее сердцем, или началом благодатной жизни, и ее главой, или правящей мудростью». А после Своего славного воскресения и вознесения на небо Он ниспослал на нее Божественного Освятителя Церкви — Духа Святого, от Отца исходящего — Духа истины, Который наставляет ее на всякую истину (Ин 16: 13).

Но даровав Церкви все потребное для жизни и благочестия (2 Пет 1: 3), Господь предупредил всех Своих последователей, что сохранение истины будет сопряжено для них с испытаниями и подвигами, ибо со временем явятся многие лжеучители, которые, произвольно искажая или подменяя истину, будут тем не менее выдавать себя за истинных последователей Христа. «Многие, — сказал Он, — придут под именем Моим и многих прельстят... Тогда, если кто скажет вам: «Вот здесь Христос», или «там» — не верьте... Вот, Я наперед сказал вам» (Мф 24:

5, 23: 25).

Истины веры или догматы Православия выражены в догматических определениях святых Вселенских Соборов, особенно же в том Никео-Цареградском Символе веры, который мы все вместе поем во время Божественной литургии или слышим при совершении других богослужений. Здесь кратко, но точно говорится об основных предметах нашей веры: о Боге Едином в существе, но троичном в Лицах, о воплощении и искупительном подвиге Единородного Сына Божия, о Церкви с ее спасительными таинствами, о всеобщем воскресении, о последнем суде и о жизни будущего века.

Чистая и несомненная вера в эти и другие исповедуемые Церковью богооткровенные истины является жизненной необходимостью для каждого из нас. Быть непоколебимо верными исповедниками святых догматов не менее важно, чем жить благочестивой христианской жизнью. Да одно без другого, в сущности, и невозможно. Святой Кирилл, архиепископ Иерусалимский, так говорил в одном из своих огласительных поучений: «Догматы без добрых дел не благоугодны Богу; но не приемлет Он и дел, если они не основаны на догматах благочестия» (Слово огласительное IV, п. 2).

Догматы — это не просто отвлеченные, умозрительные истины, которые достаточно воспринимать и усваивать одним лишь умом. Нет! Это разумные основы, на которых создается духовно-религиозная жизнь. «Кто идет против догматов Церкви, — говорит известный отечественный догматист епископ Сильвестр, — тот становится противником всей Церкви, посягающим на ее жизнь и целостность, а в то же время налагающим руки на свою собственную духовную жизнь», то есть делается своего рода духовным самоубийцей. На святых Вселенских Соборах собирались епископы многих местных церквей, как свидетели единой богопреданной веры. Здесь раскрывались и изъяснялись необходимые подробности православного вероучения. То же, в известной степени, делали великие Отцы и Учители Церкви в своих личных бессмертных творениях. И долг тех, кто хочет быть подлинно православным богословом, — самым внимательным образом и с величайшим уважением относиться к священному церковному и святоотеческому преданию, помня, что его носителями были не просто образованные и ученые люди, но люди высокой нравственной чистоты, обладавшие ценнейшим духовным опытом, прославленные Богом за их верность истине и благочестивую жизнь.

Православие не есть предмет нашей гордости или превозношения над другими людьми. Оно есть дар незаслуженной нами великой милости Божией. И мы всегда должны помнить, что твердую и непостыдную надежду на спасение мы имеем лишь при том условии, если незыблемо и благоговейно храним истинную православную веру. «Вера наша, — писали в одном из своих посланий Восточные патриархи, — не от человека и не чрез человека, но чрез откровение Иисуса Христа, которое проповедовали божественные апостолы, утвердили святые вселенские соборы, передали по преемству великие мудрые учителя вселенной, и запечатлели своей кровью святые мученики... И мы передадим ее в грядущие поколения совершенно такой же, какой сами приняли, без всякого изменения, дабы и они по добно нам непостыдно и без упрека могли говорить о вере своих предков».

С тех пор как святой равноапостольный великий князь Владимир, крестившись сам, позаботился о всенародном обращении к истинной православной вере наших отдаленных предков-язычников, наша великая страна на протяжении тысячелетия именовала себя Святой Русью.

После крещения Руси Русская Православная Церковь стала заботливой Матерью русского народа. Она вносила дух мира и нравственной чистоты в его семейные и общественные

отношения. Она заботилась о его образовании и духовном просвещении. Она устраивала при монастырях благотворительные заведения для вдов, сирот и убогих людей. Она облегчала народные страдания в години стихийных бедствий, внутренних междоусобиц, вражеских нашествий.

Она всегда была со своим народом, возбуждая в нем горячую любовь к Отечеству, призывая его к жертвенной патриотической и миротворческой деятельности. Вот почему многие и многие поколения русских людей с благоговением произносили слово «Православие», считали великим бедствием оставить своих детей некрещеными, почитали за честь для себя носить имя православного христианина.

Постараемся же и мы быть достойными тех, кто в течение тысячи лет свято берег на священной земле нашей Родины бесценное сокровище Православия. И молясь о мире всего мира, о благостоянии святых Божиих Церквей, вознесем ныне, в день памяти о Торжестве Православия, нашу усердную молитву и о том, чтобы Господь «возвратил сердца отцов детям» (Лк 1: 17) и помог православным родителям так воспитать своих детей и внуков, чтобы и они в свое время смогли завещать грядущим поколениям: всем сердцем любить и нерушимо сохранять нашу Святую Православную Веру.

Аминь.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей во Владимирском соборе (июнь 1991 г.)

Проповедь

1 июня. Слово на субботней литургии после апостольского чтения (Рим 1: 7-12; Гал 5: 22 - 6: 17-23)

Дорогие братья и сестры! Каждое слово Священного писания достойно внимания. Удивительно, что апостолы обращаются со словом ко всем, как к своим детям, как к единому народу, как к одной семье. И это говорит о великом даровании любовном. Когда у нас единая вера — это великое дарование. Люди всегда ценили единодушие, единомыслие. А быть в одной вере, единстве надежды, единстве любви, единстве благодати — это особая радость. К сожалению, часто бывает так, что мы мало этому радуемся. Или бывает так, что вначале человек, обретя веру и понимая, какую величайшую драгоценность он обрел, радуется о каждом человеке — ближнем и дальнем, только узнав, что он верующий, что он член Церкви, что он славит истинного Бога, что он из того же тела церковного. Но потом этот человек отступает, по своим немощам или по немощам других. Потом, к сожалению, он может охладить то, что есть у него в сердце. И тогда человек может уже перестать утешаться этой единой верой и, встретив другого человека, начинает выискивать какие-то различия. У него могут зародиться какие-то подозрения прежде всякого духовного опыта.

Да не будет с нами этого никогда! Будем прежде всего радоваться нашей единой вере. И тогда тот духовный плод, о котором вы сейчас слышали из второго апостольского чтения, будет созреть. А созревает он не в единичном духовном подвиге, не индивидуальном, а в соборном, церковном служении, в движении вперед и вверх, к Царству Небесному, которое уже внутри

нас, ибо посреди нас. Эти плоды духовные есть в каждой жизни — любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых действительно нет закона, таковым не нужны подпорки законов, только будем носить бремена, тяготы друг друга, и исполнится единый закон, закон Христов.

Если бы все христиане могли жить так, хотя бы и не в полной мере, жить, как описал это апостол, то действительно не нужно было бы ни уставов, ни канонов, никаких апостольских и прочих правил. Ничего, что перешло к нам в большой степени из Ветхого Завета, не надо было бы, потому что закон ветхий был бы сменен законом новым, законом Христовым, законом Христовой Любви. Святые отцы писали: «Люби Бога, — а мы с вами добавим — и ближнего, — и поступай, как хочешь». Только надо достичь того нормального христианского состояния, о котором пишут апостолы. А если мы хотя бы в малой степени этого достигли, то надо позаботиться, чтобы сохранить эту благодать и, сохраняя, не просто ее ограждать, а умножать, для чего постоянно выходить (пусть с большим риском) вперед, к Богу, к ближнему, несмотря ни на какие неудобства, часто сопровождающие этот духовный процесс.

Дорогие братья и сестры, христианство выше всякого закона! Тот единый «закон Христов» — уже не закон. Не случайно один из апостолов его называет «законом Свободы». «Закон Свободы» — не закон, и называется он законом лишь потому, что дух этот должен быть господствующим в наших сердцах, в нашей жизни, чтобы мы случайно не увлеклись свободой, не подменили ее произволом и не явили собой беззаконие.

Братья и сестры, будем радоваться и «утешаться верою общею — вашею и моею», как говорит апостол Павел. Будем радоваться, увидев всякий проблеск веры, надежды и любви в сердцах людей. Будем помнить, что эта радость умножит веру, умножит надежду, умножит любовь к людям. Если кто-то еще не знал Господа, если кто-то еще имел предубеждения против Бога, человека или Церкви, все это уйдет, потому что не останется для этого в человеке добром никакого основания. Да будет так!

Аминь.

Слово на литургии после Евангелия (Мф 5: 42-48; Лк 6: 17-23)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане! Вы слышали сейчас отрывок из Евангелия от Матфея, который прямо продолжает Нагорную проповедь Иисуса Христа. Второй отрывок о блаженствах — из Евангелия от Луки. Как нам понимать слова Господни? Можем ли мы всегда, во всех случаях своей жизни полагаться на них, или это лишь идеал, к которому надо стремиться, но который обрести весьма и весьма трудно, который обретается лишь в тех или иных частях своих, и то не всегда? Если бы мы с вами сказали, что все это можно обрести в один миг, мы были бы неправы. Так не бывает. Но если бы мы отнесли слова Господа куда-то к загробной жизни, если бы мы не имели решимости осуществить сказанное Господом сейчас же, то мы были бы неправы еще более. Для того чтобы осуществить сказанное, надо обязательно вникнуть в слова Христа.

Господь проповедует и говорит: «Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся». Кажется, очень просто: все, что имеешь — давай, не приберегай на «черный день», на всякий случай. Попросили — дай, даже если у тебя, может быть, не остается ничего, Господь о тебе позаботится. И так бывало не однажды в жизни людей.

Но иногда бывают и очень неразумные просьбы, и тогда думаешь: «Следует ли человеку давать?»

Вот он просит, но не понимает, что просит то, что ему не нужно, что ему во вред». Как поступить? Думаю, что здесь должно быть свидетельство нашей совести, дорогие братья и сестры. Если действительно человек просит во вред себе, то давать не следует. И мы не нарушим сказанного Господом. Но мы берем на себя ответственность за это решение, всю полноту его на себя, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это первое.

И второе: есть большой соблазн в словах Господа, обращенных к совести каждого из нас, — воспринимать их как обращение к совести только других людей. К сожалению, это делается постоянно, и это фальшь, это против Евангелия. Нам всегда хочется другого оценить, соблюдает ли он эти заповеди, и если кто-то из христиан, как нам кажется, не соблюдает их, то мы готовы осудить этого человека, исходя из евангельских слов. И вот тут тоже всегда неправда. Даже если перед нами священники. Никогда не будем забывать, что в евангелии нет закона, как только что я сказал вам. В евангелии нет закона, но есть призыв к совести, к вере нашей, к уму, к чувству, к духу, в котором мы живем. Нельзя из евангелия сделать нечто общеобязательное, даже в Церкви. Его только мы можем взять на себя, сказав: «Для меня эти слова обязательны», и поступать в соответствии с ними. Далее, вот знаменитое место о любви к врагам. Господь говорит, казалось бы, о такой простой вещи: «Будьте совершенны». А совершенство — это любовь, совершенство — это Бог. И будьте такими, как Бог. Ведь вам же дается Божия сила, Божия благодать. Всем вам дан образ Божий. Так почему же вам не быть, как Бог? Зачем же от этого отказываться, если действительно есть такая возможность? Не идеологическая, не философская, не богословская, а самая реальная — у каждого, и сейчас. Так «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного», ибо Он так делает. Даже дождь не избирательно капает, а всех орошает, и солнце восходит над всеми и не избирает добрых и злых. Даже неживая природа, созданная Богом, может оказаться для вас примером и образцом.

Но здесь тоже есть свои опасности — всегда страшно перекладывать что-то со своей совести на совесть ближнего, хотя это и делают очень часто. Страшно, когда читаешь современную околицерковную литературу. Все друг от друга требуют исполнения Евангелия, не показав прежде никакого примера. Требуют от церкви, требуют от патриарха, требуют, требуют..., всех судят и рядят, и несправедливо поступают, даже тогда, когда, может быть, действительно, те люди, о которых они рассуждают, не являют собой примера именно евангельского поведения.

Посмотрите, как страшно бывает, когда слышишь — в сектантских ли кругах, а часто и не в сектантских, но зараженных сектантством православных кругах: «Почему вы не сопротивлялись? Почему вы не обличали? Почему вы гонящих вас не проклинали на весь мир? Почему? Какое вы имели на это право? Ведь они же злодеи! Они и вас угнетали, и народ. Почему вы не восстали?» Люди, говорящие так, забыли о Христе.

Можно лишь сожалеть, что подобные мысли приходят иногда и в нашу голову, и мы их прямо или косвенно высказываем. А Господь говорит: «Благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас». Это имеет глубочайший смысл тогда, когда это не просто сервиллизм, не рабствование сильным мира сего, а когда это есть победа высшего в духе над низшим. Однако, часто, когда вы молитесь за обижающих, за гонящих вас, вы делаете это из сервиллизма. Не правда ли, дорогие братья и сестры. Увы, до сих пор не дух Евангелия, а чиновничество, лицемерие, неискренность, политика, церковная и не церковная, становятся основой для такого поведения. И это нельзя поддерживать. Но нельзя, повторяю, требовать от других того, что Господь обратил к нашей совести.

Очень часто приходится слышать всякого рода упреки к иерархии. Ну, какая она у нас есть, такая и есть, со всеми своими плюсами и минусами. Но когда я слышу эти упреки от кого-то

сидящего в теплом уютном уголке дома, взаперти, с подушкой на телефоне, я всегда спрашиваю: «А что бы лично вы сделали, оказавшись сейчас на месте патриарха, не говоря уже про сталинские и прочие подобные им времена?»

Братья и сестры, каждое место евангелия для нас — память, каждое место — особое духовное рассуждение. Здесь множество «болевых точек», потому что наша церковная духовная жизнь, а значит — и личная наша жизнь, еще недостаточно настроена. Будем стараться, взяв высокую ноту христианской жизни, никогда от нее не отступать. И не испугаемся, если нас назовут нищими духом, помня, что их есть Царство Небесное. Не испугаемся, если будем алкать и плакать, потому что такие насытятся и засмеются. Не будем бояться, если возненавидят нас люди, если будут отлучать нас, поносить как бесчестных, но только при условии, если это произойдет за Сына Человеческого. Тогда мы возрадуемся и возвеселимся, ибо получим величайшую награду.

Бывает так, что приходится отлучать людей от Церкви. Такое и сейчас бывает и, к сожалению, будет. Дай Бог, чтобы такого не было, но чувство трезвости говорит, что, увы, это почти невероятно. Каждый, кого отлучат от Церкви, прочитав: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас и будут поносить», может сказать: «Вот это обо мне». Ведь когда кого-то отлучают, те часто думают, что их не любят, их не понимают, их ненавидят. И такие люди могут считать, что они-то и попали в самые блаженные.

Дорогие братья и сестры! Я не случайно так подробно говорю об этом слове евангелия. Действительно, блаженны и отлученные, и изгнанные, но если это отлучение и изгнание за Сына Человеческого. Если же за грехи свои, — то это совсем другое дело. Апостол говорит, не думайте, что вам нельзя общаться с блудниками и грешниками вообще, потому что тогда нам всем надлежит выйти из мира. И все мы это хорошо знаем. Если мы сейчас объявим себя чистыми, святыми, гнушающимися соприкосновения с нечистотой мира сего, то мы впадем в самую страшную гордыню и будем неправы. Но апостол продолжает, а вот в церкви у вас не должно быть ни блудников, ни грешников. В мире сем — одно, в церкви — другое. Церковь в мире сем, но не от мира сего. Церковь не сможет расти, церковь не сможет исполнять призыв Господень о совершенстве, если она не будет судить о своих членах, о их жизни и поведении. Это прямой призыв Господа.

Я сегодня также говорил вам, что не нужно было бы никаких законов и канонов, если бы все жили как следует, по-христиански, и имели бы только один закон — закон Свободы и Любви. Но увы, сразу это не достигается. А пока мы с вами настолько разрознены, что поддержать человека в трудную минуту бываем в состоянии не всегда. Мы часто виноваты в том, что человек падает. Вот не так давно мне пришлось двоих отлучить от причастия у нас в общине, и я был рад тому, что вину за это почувствовали многие наши братья и сестры, хотя их-то никто не отлучал, никто не упрекал. Если бы еще из этого сразу делались все выводы, то это уже свидетельствовало бы о том, что мы живы!

Дорогие братья и сестры, слово евангелия — это огонь, огонь, который просвещает и согревает наши души. Несите же это слово от всего сердца своего, примером всей своей жизни всем, всем людям! И тогда мы все возрадуемся и возвеселимся.

Аминь.

Слово после литургии

Поздравляю вас всех, дорогие братья и сестры, с причастием. Особенно радуюсь за тех, кому по благословию пришлось причащаться в эту неделю не однажды. Надеюсь, никто из вас не

был отринут Господом. Надеюсь, что все вы получили воздаяние от Господа за ваше усердие, за все усилия, которые вы приложили, идя ко Христу, становясь полными членами Церкви. (Речь идет о новокрещеных и новоцерковленных членах Церкви, проводящих первую неделю своей церковной жизни. — Прим. ред.)

Сегодня в пять часов мы с вами снова увидимся на омовении знаков мира. Сейчас, после литургии, у нас будет обручение наших брата и сестры. Вечером же — великая вечерня и, как обычно, исповедь.

Завтра вечером мы начнем празднование в честь Владимирской иконы Божьей Матери. В этом году замечательное совпадение — завтра воскресный день, и вспоминаются все святые. Это значит, что все вы будете именинниками. А на следующий день — наш первый после такого большого, более чем полувекового, перерыва престольный праздник храма. Поэтому в воскресенье вечером — великая вечерня, а если нужно будет, то и исповедь. Но надеюсь, что после воскресенья ее не будет. Вы снова будете все причащаться. В понедельник — праздничная утренняя и литургия с крестным ходом вокруг храма по нашей знаменитой улице. (Большая Лубянка — Прим. ред.)

Следующая неделя тоже очень интересная. В субботу после утрени будет совершаться отпевание всех христиан, погибших и захороненных без отпевания, без христианского погребения в послереволюционные годы. Многие погибли и не были отпеты, даже священнослужители, не говоря уже о многочисленных дедах, братьях, сестрах наших и детях. Конечно, мы не сможем назвать миллионы имен, каждый пусть вспомнит тех, чьи имена вы в записках своих напишете. Если кто-то знает имена погибших в это время лихолетья, подайте и за них записки, и мы будем молиться. Подчеркиваю, будет не панихида, а отпевание, как благословил Святейший Патриарх. Хотя и нет здесь тел ни одного из этих людей, мы пройдем вокруг храма с крестами и пением Трисвятого, как на погребении, как на отпевании-погребении, торжественно. Это будет после утрени или во время утрени, о чем нам сообщат дополнительно.

В следующую субботу вечером, накануне праздника, мы будем вспоминать всех святых, в земле Российской просиявших. Многие люди, ведомые нам и неведомые, погибли как христиане за веру свою. Они были мучениками, исповедниками, страстотерпцами, и мы о них помолимся в надежде, что они за нас также молятся у престола Вседержителя.

Господь особо был милостив к нам в этом году — и по совпадению праздников, и по совпадению евангельских чтений, которые не всегда в эти дни положены.

Для большинства из вас было особенно важно участвовать именно в такой литургии, именно в таком служении слова. Многие из вас, конечно, почувствовали усталость к концу этой недели, но я думаю, Господь укрепит вас. Не ослабевайте. Завтра и послезавтра проведите дни в духовной бодрости. Многим из вас предстоит новый этап христианской жизни. Не ослабевайте и в верности своей, встречая Небесное Царство Любви. Вот этого я вам всем желаю.

Храни вас всех Господь!

Слово на обручении

Дорогие братья и сестры! Венчание скоро станет у нас неотъемлемой частью литургии. Сегодня ко мне подходили еще желающие венчаться. Слава Богу, что не только по

каноническому требованию, а по внутреннему велению жизни христиане находят друг друга, тем более в одном братстве. Сколько у нас уже было браков! Сколько их у нас прошло, начиная с Электроуглей! Это все были наши близкие — братья и сестры. Ну конечно, могут быть и другие варианты, и они будут. Кто-то уже имеет супругов-христиан, но еще не венчан. Я уверен, что будет созреть решение венчаться даже у тех, кто уже живет давно в браке, если вторая половина все-таки член Церкви. Как вы знаете, венчание в нашем храме совершается по древнему чину, и причастие новобрачных обязательно на литургии. Ну а неверующий человек, естественно, причащаться не может, как и венчаться, и вообще участвовать в таинствах. Поэтому у тех, у кого есть такие супруги, вы уж объясните им, что нужно для венчания.

Сегодня, слава Богу, Владимир и Анна-Лада обручаются. Когда будет венчание, мы пока еще сказать не можем. Вот, если Бог благословит, — 28 июля. К этому времени кончится Петров пост. Это будет через две недели после выхода новопросвещенных из так называемой «пустыни» (Примерно 40 дней самоиспытания и укрепления в христианской вере и жизни после Крещения без встреч с катехизаторами и группой, в которой проходили оглашение. — Прим. ред.). Дай Бог, чтобы этот испытательный срок оказался для них спасительным и полезным.

Обручение — акт не формальный. Обручение — это то время, когда людей можно назвать женихом и невестой. Мы с вами это будем связывать и с другими вещами. Это духовный искуc, так же как оглашение перед крещением, когда человек становится членом Церкви, но остается еще некрещеным. Это духовный искуc, искуc духовной внутренней работы, когда человеку что-то дается и что-то у него обязательно берется. То же самое и здесь. Что-то будет даваться жениху и невесте, и что-то новое будет от них ожидатьcя в их духовной жизни. Поэтому давайте сейчас все вместе единодушно молиться за них.

По уставу эту службу положено совершать в притворе, но в наших условиях это пока невозможно, так как иначе мы все окажемся под дождем. Поэтому мы совершаем ее здесь, у алтаря, с надеждой, что к алтарю, как положено по уставу, жених и невеста придут, как и вы все, 28 июля. А сейчас я прошу всех молиться, чтобы нынешнее обручение было во славу Божию, потому что, где есть единство, там — благословение Божие. Дай Бог, чтобы единство было подлинным, чтобы была готовность чем-то жертвовать, чтобы это была подлинная любовь и чтобы была подлинная вера друг в друга.

Владимир Соловьев в своей статье «Смысл любви» говорит о том, к чему призван человек и что получает он в браке. Вот эта первая ступень брака сегодня и будет открыта жениху и невесте. Будем молиться. [Далее следует чин обручения.]

Поздравляю вас! Это действительно первая ступень брака и действительно момент, когда вы уже совсем не чужие. Хотя вы и раньше были не чужими как члены Церкви, но сейчас вы особым образом стали близки и друг другу, и нам. Это большая, большая радость. Дай Бог, чтобы ничто, соединяемое Господом, никогда не было разрушено, чтобы никакие лишения, трудности (а их в жизни всегда много) не смогли бы разорвать самое важное — союз любви, который знаменуют эти кольца. Обручение прошло, и значит, вы теперь как бы окольцованы, связаны друг с другом. Вы теперь соединились, вы теперь уже живете друг для друга, пусть еще и не в полноте брачных отношений. Но тем не менее, уже многие, многие вещи у вас едины так, как это будет и в будущем. Поэтому примите друг друга, любите друг друга, помогайте друг другу проходить духовный и жизненный искуc. Я надеюсь, что все будут молиться за вас особым образом до самого венчания.

Спаси вас Бог!

Слово на омовении знаков мира

Дорогие братья и сестры! Начинаясь для вас период — это период вашего исхода в мир, в полноту нынешней вашей жизни. Мы сейчас совершим омовение знаков мира, и вы оставите статус «младенцев во Христе», перестанете быть младенцами. Может быть, вы не сразу станете старцами, но во всяком случае, младенцами уже не будете и, следовательно, сможете начать жить полноценной христианской жизнью, самостоятельно неся ответственность за все, что с вами происходит, и сможете помогать другим — сначала понемногу, потом больше. Вот так и завершится сегодня последний, третий этап оглашения. А дальше вам предстоит некоторое искушение в «пустыне».

Будем сейчас молиться и совершим два чина: восьмого дня — снятия белых одежд и омовения знаков мира, и первого пострижения волос. Пострижение волос — это символ первой вашей жертвы. Трудно от вас сейчас ждать духовных жертв, и вот — первая жертва, простейшая жертва тем, что вы имеете от природы. Этот знаменитый «постриг» и будет совершен. Именно от этого обряда пошел монашеский постриг. Монашеский постриг — тоже жертва собой. Вы жертвуете своим, и значит — собой, но жертвуете не просто, жертвуете Богу, на служение Ему. [Далее следует соответствующий чин.]

Завершилась ваша светлая седмица и пришло празднование дня ангела в день воспоминания всех святых — ведь это день ангела для всех здесь присутствующих. Теперь мы будем молиться с вами не как с оглашаемыми первой, второй, третьей ступеней, а как с полными членами Церкви. Это большая радость, что всех вас удалось довести до такого важного этапа. Это радость, что все мы были свидетелями вашего возрождения. Дай Бог, чтобы возрождение от вас не отошло, чтобы оно было началом вашего роста, роста в Церкви Божией. Храни вас Бог!

Слово перед вечерней

Братья и сестры, христиане! По духовному календарю совершенно не случайно через неделю после празднования дня Святой Троицы всегда положено чествовать всех святых, святых всей христианской Церкви. И вы, наверное, догадываетесь, почему это именно так, почему сразу после праздника Святой Троицы идет празднование в честь Святой Церкви. Конечно потому, что Троица для нас с вами стала днем рождения Церкви. И естественным продолжением всего того цикла воспоминаний, который начался еще Великим постом, является чествование всей Христовой Церкви, всех святых, именуемых и не именуемых, известных нам и неизвестных, потому что вся Церковь — это одно Тело. И это Тело неразруσιμο, непреодолимо, потому что оно духовно и вечно.

Братья и сестры, именно поэтому дальше пойдет некоторая конкретизация этого воспоминания. Через неделю мы будем вспоминать всех святых Российских, уже более обращая внимание на тех, кто жил рядом с нами, подвиг которых нам ближе, понятнее — и древних русских, и новых, и новейших, которых, может быть, мы еще недостаточно знаем, но которых тоже не случайно будем особым образом вспоминать в следующую субботу, когда после утрени будем совершать отпевание всех христианских служителей и мирян, умерших и захороненных без отпевания в годы лихолетья, после революции.

Мы будем и дальше весь год вспоминать святых Церкви вселенской и Церкви Руси. И даже сегодня, в день памяти всех святых, по уставу (так совпало в этом году) мы вспоминаем одного из величайших русских святых — Алексия Московского, святителя, который возглавил церковь нашу в смутное время XIV века. Он был старшим современником преподобного Сергия Радонежского и регентом (То есть исполнявшим обязанности князя по управлению страной ввиду его малолетства. — Прим. ред.) сегодня вспоминавшегося святого благоверного князя Дмитрия Донского. Он, по-существу, на протяжении многих лет возглавлял не только Церковь, но и весь наш народ, все государство русское. Мощи его сейчас пребывают в Богоявленском

патриаршем соборе, а прежде они почивали в храме Чудова монастыря в Кремле.

Дорогие братья и сестры, нам сейчас предстоит воспоминание, которое должно быть приобщением к духу, опыту и действию всех святых, ко всей Церкви нашей. Мы с вами члены Церкви, и Церковь наша, наша духовная мать, — сейчас именинница.

Аминь.

Слово на вечерне после паримий (Ис 43: 9-14; Прем 3: 1-9; 5: 15-24; 6: 1-3)

Братья и сестры, христиане! Вы слышали сегодня о призвании. И нет ни одного человека, который бы не был призван Богом, — все призваны к спасению. Сегодня память всех святых. Все святые находились в едином Духе, сошествие Которого мы праздновали на прошлой неделе. Сегодня мы призваны праздновать память всех святых — и тех, кто жил раньше, и стоящих рядом с нами. Для этого нужно по-особому открыться, только тогда можно почувствовать родство с Богом и друг с другом. Тогда мы — одна семья, и каждому ясно, что жить на земле нужно в духе единства, в духе любви, в таких семьях, чтобы не оказаться нам однажды в одиночестве, расточающими, а не собирающими со Христом.

Братья и сестры, будем благодарить Бога, будем воздавать Ему славу и честь. Будем помнить, что и Церковь Божия, Церковь Христова славна и честна. И пусть сегодня Церковь Христова, празднуя память всех святых, ликует и радуется пред лицом Божиим.

Аминь.

30 июня. Слово после литургии

Дорогие братья и сестры! Слава Богу, мы с вами сейчас совершили величайшее таинство — приобщение к Духу, Любви Христовой, к Телу и Крови Христа, распятого за нас и воскресшего. Слава Богу, что Господь соединил нас всех вместе, что единство наше — в Боге. И значит, мы соединились во Христе со всеми верными Ему, по всему лицу земли. А все верные Божии и составляют Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Весь мир Божий, все, что пронизано благодатью и истиной, все, что может приобщиться к Духу Божьему, входит в Христову Церковь. И мы с вами радуемся этому, дорогие братья и сестры, мы радуемся и единству друг с другом, с теми, кого видим, и с теми, кого не видим. Бог избирает Себе народ Свой, и Церковь Христова, Церковь живущих и отошедших ко Господу, исполняется, достигая полноты мира и радости в Духе Святом. Мы знаем, что эта полнота придет, придет вне исторического времени, тогда, когда история закончится. Но сейчас сердца наши радуются оттого, что мы видим, как свет Христов просвещает всякого человека, который открывает свое сердце, сердце которого расширено для принятия Бога и ближнего.

Сейчас многие люди соблазняются о Церкви. Они думают, смотря на христиан, — зачем нужна Церковь? Тем более, что плохая богословская традиция иногда представляла Церковь как какого-то посредника, сужала Церковь до одного священнодействия священнослужителей. И тогда действительно возникал вопрос: если есть посредники, то, может быть, невозможно достичь прямого общения с Богом? А если это так, то зачем Христос пришел? И если человек принимает Христа, то он думает: «Вот, Он — единый Посредник между Богом и человеком. Зачем нужны еще какие-то промежуточные звенья?»

Такая, можно смело сказать, неправославная экклезиология, такое учение о Церкви подорвало веру в Церковь. И сейчас нужно прилагать особые усилия в храме и вне храма, во время всех богослужений, во время всякого нашего делания для того, чтобы образ Церкви, который

никогда не ограничивается одним храмом или церковными институциями, какими бы они ни были, в полноте и святости открылся людям как самый притягательный, для того, чтобы, как в древности, христиане считали за счастье быть членами Церкви и за величайшее горе — отлучение от нее, для того, чтобы мы могли сказать, что Церковь действительно есть Тело Христово, что в ней действительно живет Христос, Который входит верою в сердца наши, так что эти сердца отдаются друг другу во Христе.

Я не случайно сказал, что особые усилия требуются для того, чтобы этот образ Церкви возродить, чтобы церковные институции, без которых не может жить Церковь, которая не от мира сего, но в мире сем, как и каждый из нас, тоже нашли формы своей жизни, прежде всего свидетельствующие о Христе. Никогда не будет так, что церковные институции будут выше человеческой личности. Христос обещал быть там, где двое или трое собраны во имя Его, если сердца этих двоих-троих способны вместить полноту откровения благодати и истины.

Но нам с вами нужно думать и об институции церковной. Не только о древней, апостольской, не только средневековой, но и современной. Здесь накопилось множество проблем, и их надо решать. Слава Богу, сейчас идет подготовка к общецерковному собранию, на которое, мы надеемся, будут вынесены, как нам обещают, актуальные проблемы внутрицерковной жизни. На этом собрании будут представители всех епархий на уровне руководителей, все епископы и представители клира. И сейчас есть возможность, и для нас в том числе, внести свои предложения по списку вопросов, которые будут обсуждаться на этом собрании, созываемом по благословию Святейшего Патриарха. (Собрание проведено не было. — Прим. ред.)

И тут, когда мы говорим о возрождении церковности в глубоком смысле этого слова, мы особенно благодарны тем, кто открывает наши глаза на те события, часто непростые и противоречивые, которые происходят в истории Церкви, происходили и в древности, и недавно. В связи с этим я рад приветствовать сегодня в нашем соборе всем вам известного Дмитрия Владимировича Поспеловского, профессора Университета Западного Онтарио в Канаде. Многие из вас читали его труды в «Вестнике РХД», и в нашей прессе. В ближайших номерах нашего журнала «Православная община» планируется перепечатать статью Дмитрия Владимировича «Взгляд со стороны».

Мы очень рады, что уже второй раз Дмитрий Владимирович посещает наш храм. Он был в прошлое воскресенье, но мы тогда еще не успели познакомиться, а тут Господь нам послал такую замечательную возможность.

Я с огромной радостью приветствую Вас, Дмитрий Владимирович, перед лицом всего сегодняшнего церковного собрания. Я надеюсь, что мы будем иметь и более полную радость Евхаристического общения. Я надеюсь, что Ваше пребывание в нашей стране и, в частности, в нашем храме, как и прежде, не окажется бесплодным. Это всегда очень чувствуется по Вашим работам. Вы много и плодотворно работаете именно для того, чтобы возродить в людях глубинное чувство церковности, ответственности за все то, что происходит в церкви.

Я хочу Вас попросить сказать несколько слов нашим прихожанам.

Слово Д. В. Поспеловского

Спасибо! Я очень взволнован. Мне трудно говорить. Я очень рад, что Господь меня привел именно в ваш храм, потому что я в какой-то степени считаю себя учеником покойного о. Александра Шмемана. Мне всегда было близко его учение о том, что все может быть искажено, как вы сегодня говорили, превращено в идолопоклонство, даже литургия, если она не осмыслена, если сам ритуал становится самоцелью. Я часто испытываю такое ощущение в

наших православных храмах, когда слышу целый ряд возгласов. Литургия оглашаемых часто превращается именно в такой мертвый символ, потому что, когда говорится: «Оглашенные, изыдите!», никто не уходит. В Америке о. Александр выступал за то, чтобы отменить это. Зачем же молиться о том, что не исполняется? И тут, в вашем храме, я впервые в моей жизни понял этот смысл, хотя я теоретически знал его, но почти всегда это оказывалось чистой формальностью. У вас служба снова приобретает этот смысл. Кроме того, вы служите на русифицированном славянском языке, который всем понятен, а Евангелие и чтение Апостола обращено к верующим. Вы не стоите спиной к верующим, что очень важно, потому что тут богослужение приобретает действительно полный смысл, становится осмысленным.

Я рад, что моя встреча с Россией, встреча, надеждой на которую я всегда жил, произошла. В последние годы поездки сюда стали возможными. Раньше меня сюда не пускали, писали, что я антисоветчик, злостный антисоветчик. И вот, с одной стороны, я испытываю восхищение глубиной веры и напряженностью молитвы верующих в церквах, а с другой, меня очень, так сказать, не то чтобы раздражает, но как бы обижает форма, принятая в богослужении, особенно в России, где много-много такого заскорузлого, особенно архиерейские службы — у меня было ощущение, что службы не для верующих, а для архиереев.

И вот здесь, в вашем храме, я увидел приятные изменения. Я очень надеюсь, что это не останется гласом вопиющего в пустыне, что опыт вашего храма и ваш пример распространятся по стране и дадут плоды. Покойный митрополит Никодим, к которому многие очень скептически относились, говорил, что нам нужно не обновленчество, нам необходимо обновление. И дай Бог, чтобы ваш храм был не единичным местом обновления.

Спасибо вам большое!

Слово о. Георгия

Мы хотим, чтобы каждый верный здесь, в нашем храме, чувствовал себя как в доме Отца своего, чтобы мы действительно все стали как бы одним телом. Это возможно в тайне, в той тайне духовной жизни, которая нас и объединяет. Вот, сейчас я снова смотрел на прихожан моего бывшего прихода из г. Электроугли, их здесь сегодня несколько человек, и был очень рад, что они не забывают нас. Значит, это единство остается, оно не уходит, вопреки поговорке «с глаз долой — из сердца вон».

Я надеюсь, что и встреча с Вами, уважаемый Дмитрий Владимирович, всегда несет особый опыт общения, особый духовный опыт. Ведь когда Оливье Клеман, Сергей Сергеевич Аверинцев, не говоря уже о священнослужителях, и другие замечательные люди обращаются в нашем храме к прихожанам — это всегда особым образом попадает в душу. Я Вам очень благодарен. Мы всегда, всегда очень рады видеть Вас в нашем храме. Мы благодарим Господа за это.

Л.М.: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

Этой публикацией редакция журнала открывает новую рубрику - «Свидетельства», где будут помещаться материалы о том, как наши современники обретают веру. Приглашаются все желающие поделиться своим опытом на страницах нашего журнала.

ПРИХОДИТСЯ ПРИЗНАВАТЬ, что мой приход к Богу не был результатом сознательного и

последовательного духовного поиска, а в очень большой степени обусловлен случаем.

Родители воспитывали во мне уважение к вере как к традиции, не больше. Я выросла вполне благополучным, более-менее удачливым, умеренно счастливым человеком. У меня не было серьезных несчастий или разладов. Не слишком рано, но, пожалуй, все-таки слишком легко простила с детским максимализмом и привыкла вносить поправку на несоответствие желаемого реальности. То, что люди живут не чисто и что чисто жить, вероятно, невозможно, радости не вызывало, но принималось как факт. А с церковью это вообще лежало в разных плоскостях. Церковь для меня – это были храмы и иконы, которые нравились или нет, непонятные обряды, еще более непонятные люди, часто чем-то обделенные, как мне казалось, – судьбой, здоровьем, умом или удачей, находившие себя в иллюзиях. Правда, среди верующих бывали люди столь явно выдающиеся, что даже очень развитое самомнение не могло записать их в обделенные. Это был щелчок по носу, но ни приближаться к таким людям, ни даже наблюдать их со стороны сколько-нибудь долго мне не доводилось.

Когда я пробовала читать Библию, особенно евангелия, то всегда испытывала благоговение. Алмазы мудрости здесь сверкают так ярко, что авторитетность евангельской этики я признавала безоговорочно, однако, как-то ухитрилась «не заметить» в Евангелии Господа. Все, что касалось веры, было для меня колоритом, условностью, символическим языком. Кроме того, многое было непонятно (а спросить, разумеется, было не у кого) и вообще читать было трудно. Я занимала ту странную позицию, которая характерна для многих моих знакомых: никто не скажет, что Библия – это плохо; наоборот, безусловные атеисты считают, что – хорошо, что в ней правда. Только Бога, конечно, нет. И Христос, если вообще существовал, был скорее всего безумцем, считая себя Божиим Сыном. Я не только не понимала подлинности, жизненной конкретности Евангелия, но даже не приложила серьезных усилий, чтобы хотя бы попытаться освоить то, что составляло основу жизни многих поколений людей.

С годами постепенно нарастало ощущение опустошенности, сначала неосознанно, в виде усталости от повседневности. Позже я поняла, что это ощущение усиливается, и его источник в том, что «все суета». Однако повседневность не давала времени искать того, что не суета. Ведь были такие важные в своей конкретности проблемы, да и вообще поиски смысла жизни в тридцать лет просто смешны. Поэтому сама мысль о суетности превращалась в кокетство, и я не осознавала, что действительный драматизм бессмысленности и есть тот яд, который отравляет мне и жизнь, и душу.

Необходимо отметить еще вот какой момент. Среди людей моего поколения и моего круга сложился своеобразный стиль общения, явившийся, по-видимому, следствием нашей двуличной действительности (надеюсь, ушедшей в прошлое). Искренняя мысль, высказанная вслух, на серьезную тему, на тему нравственности, считалась проявлением плохого вкуса. Царил дух иронии, скепсиса, вышучивания всего на свете, резонерства. Часто это была защитная маска, но, может быть, еще чаще маска срасталась с лицом, рождая закрытость и изолированность. Это настолько входило в привычку, что почти любое проявление чувства вызывало ощущение неловкости и отвращения как признак отсутствия ума. Я не хочу обобщать, вышесказанное наверняка не касается всех. Но это существует, и я была (да и остаюсь, наверное, во многом) жертвой и носителем этики анекдота. Надо ли говорить о том, какие плоды приносит холодное высокомерие!

Вот что в общих чертах представляло «место действия», когда начали происходить события, перевернувшие мою жизнь. У меня родился и начал подрастать сын. Совершенно необычайная вещь – наблюдать развитие «новенького», нового сознания с нулевой точки. Это и твоя собственная жизнь, потому что мне кажется, что даже физиологическая связь с ребенком не рвется полностью в момент рождения. Тебе известно каждое его физическое и психическое

движение. Действительно живешь его жизнью, но при этом еще видишь эту жизнь со стороны, с позиции взрослого сознания и опыта. Как будто тебе дается еще одна попытка начать сначала. И вновь вопросы бытия и отношения с миром встают перед тобой, но теперь с большей остротой, бескомпромиссно, со всей полнотой ответственности. С другой стороны, ребенок открывает тебе сердце для абсолютно неведомой раньше радости, иррациональной в своей простоте, удивляющей и необъяснимой, нанося сокрушительный удар привычному скепсису.

Чтобы он рос грамотным человеком, я начала рассказывать ему о Библии. Очень осторожно, чтобы не давить его с детства какой-либо идеологией. Но сын воспринял все по-своему. Ему трудно было разобраться в моих оговорках типа «есть люди, которые считают (а есть и те, которые не считают), что существует Дух, все сотворивший; что есть мнение о происхождении человека не от обезьяны». Сын еще не страдал раздвоенностью и не привык глушить в себе очень простое детское знание о единственности истины. Поэтому он принял Бога в свое сердце и «показал» Бога мне. Когда ребенок в свои четыре года сказал: «Бог есть», я вдруг ясно увидела, что это так и есть, и что все просто.

Тут я снова вернусь немножко назад, рискуя утомить читающего своими рефлексиями. Глядя на меня прежнюю, наверное трудно было бы себе представить более «неподходящего» для Бога человека. Не перестаю удивляться, что Бог вошел в мою рационалистическую жизнь. Каким-то образом (наверное, от родителей шел этот знак «плюс» перед православием, хотя и без понимания) сложилось представление, что верить ? хорошо. Но я даже не примеряла эту возможность к себе, поскольку вера казалась все-таки счастливым заблуждением, «золотым сном». Кроме того, для меня вообще не характерно принятие чего-либо на веру, а ко всяческим параявлениям я всегда относилась с большим недоверием. Поскольку разницы между верой и суеверием я не видела, то в глубине души, возможно, и хотела бы быть верующей, но груз предыдущего опыта (предрассудков, как теперь ясно) казался слишком тяжелым. Только один путь убеждения существовал для меня ? путь аргументов и логики.

Ребенок стоял вне авторитетов. Он настолько (по определению) не мог бы меня убедить ни в чем обычным путем аргументов, что случилось чудо. В силу явной разницы «весовых категорий» и невозможности интеллектуального соревнования мой рассудок «проспал» ситуацию. Клапан рационализма не сработал. Когда сын просто и уверенно сказал мне: «Бог есть», я ясно ощутила, что не нужно разгребать гору аргументов, которую, я думала, разгрести не удастся. Горы не было, путь был короток. Это трудно описать, это было озарение, и оно меня потрясло. Естественно, такое состояние не длилось долго, но я его запомнила. Я не бросилась сразу в церковь, ведь мои представления о церкви были очень предвзятыми, а о Церкви с большой буквы я и не подозревала, и все-таки помнила о своем открытии.

Дальше следовала цепь случайностей. В Ясенево, где я живу, открылась православная гимназия общества «Радонеж», я стала водить туда сына на факультативные занятия по «Основам духовной культуры». Все было не так просто, многое отталкивало. Кроме чисто рассудочного желания дать сыну хорошее воспитание, с православными не связывало ничто. Мы говорили на разных языках. И все-таки я чувствовала, что правда где-то здесь. Я решила принять крещение. Если бы меня тогда спросили ? зачем, я не смогла бы ответить, не смогла бы назвать словами свои новые чувства. Потому что если дух и готовился родиться, то оболочка была прежней, рассудок, отмечающий всякую «мистику», был на страже. Посоветоваться, как я думала, не с кем (а на самом деле я просто не была готова говорить на такие темы). Это было легкомысленное решение, и я была наказана: событие крещения вполне соответствовало моему духовному состоянию. Надо мной совершили непонятное действие, ни о чем не спросив. Исполнив все, как мне велели, я чувствовала себя потерянной и обманутой.

Сейчас вспоминать об этом горько. В то же время я четко поняла, что дело серьезно. Что нужно, наконец, разобраться.

И тут произошла еще одна случайность. У меня есть очень хорошие приятельницы на работе, с которыми по воле обстоятельств я в то время мало общалась, а до того общалась тесно и относилась к ним очень тепло. Как-то, зайдя к ним по делу и услышав какой-то обрывок разговора, я рассказала о гимназии и сказала, что в одиночку путь к вере сейчас невозможен и что мне нужен учитель и проводник. Для меня это было смело, потому что я считала, что говорю это убежденным атеистам. И каково же было удивление, когда оказалось, что люди, которых я хорошо знала, проходят оглашение. Мне предложили попробовать этот путь.

Можно сказать, когда я пришла на оглашение, я еще не верила. Странно было бы верить в то, чего не знаешь. Я относилась к тем, кто не против. Продвижение вперед поначалу было очень трудным, особенно ревностно я берегла свободу, боялась идеологического околпачивания и воспринимала все довольно настороженно. Но к счастью, я вовремя почувствовала, что в таком стремлении сохранять независимость и «объективность» на самом деле присутствует сильнейшая зависимость от уже сложившегося мироощущения. Настолько сильная зависимость, что я не могу воспринять другой опыт и услышать других, несмотря на уважение и желание выслушать. И тогда я сказала себе, что человек свободный и уверенный в своем чутье к правде не станет постоянно прикрываться «мнением» как щитом, и начала упорно и терпеливо слушать.

Я не случайно не могла написать об этом раньше? не осознавала происходившего, и когда говорила: «Хочу верить», это было не вполне так. Это теперь я хочу верить. Пришла радость, пришел свет, с которыми я никогда не расстанусь.

Алексей Костромин: Молитва в практике оглашения первого этапа

Миссионерство и катехизация

Наставляя на оглашении в христианской вере и жизни, Церковь передает своему новому, пока еще неполному члену и «закон молитвы». Принимая этот закон, оглашаемый стоит перед задачей «научиться различать, какая молитва доходит до »потолка", т. е. до «первого неба», какая—до «второго неба», т. е. имеет лишь магическое действие, а какая—до «третьего неба», т. е. до «Божьего жилища, принося соответствующий плод—личный ответ Бога в сердце, изменяющий не только настроение, но и внешнюю и внутреннюю жизнь». [1, с. 27]. При решении этой задачи оглашаемому предстоит различить в законе молитвы букву и смысл и породивший их дух, избежать опасности объективации и достичь благодетельной свободы открытого Богу сердца.

Основная оппозиция, которая задает направление при любом из трех подходов верующего к молитве,—исследовании, практике и передаче опыта познания и практики, есть оппозиция свободы и закона. Канон (закон) молитвы по своему содержанию неразрывно связан с Писанием и Преданием. Предание хранит открытую в Писании истину о Боге, мире и человеке. Эта истина имеет свою реализацию и в форме молитвы. Усвоение истины является для оглашаемого проблемой. Если она обличена в форму молитвенного канона, правила, то оглашаемый стоит перед опасностью пойти по широкому пути религиозного формализма (механическая вычитка молитвенного правила) и душевной нетрезвости любого типа из-за непонимания смысла канонических молитв. Чтобы избежать этой опасности необходимо, в

первую очередь, соотнести корпус канонических молитв со статусом оглашаемого как неполного члена Церкви.

I. Закон молитвы как канон содержания (о чем молиться)

Оглашаемому не следует предлагать молитвы таинственного, мистико-аскетического, а на первом этапе даже аскетико-этического содержания. В богослужении это разграничение дано естественным способом. Оглашаемый обычно еще не участвует в таинственных богослужениях, а синаксарные, даже в части священнических молитв, не говоря уже о псалмах, вполне ему доступны. Молитвы, содержащие догматический элемент, редки. В основном—это заключительные славословия Св. Троице. Этого нельзя сказать об утреннем и вечернем правиле. В его составе есть молитвы со значительным догматическим элементом. Для примера можно взять молитву св. Антоха из вечернего правила. Если последовать святоотеческому правилу заключать свой ум в слова молитвы, тогда оглашаемому придется объяснить, что в этой молитве означают такие выражения, как «Слово Отчее», «немерцающим светом, Духом Твоим Святым» и проч. Эти особенности канонической молитвы таят для новоначального типичное искушение—перепрыгнуть сразу через несколько ступеней и пуститься в изучение богословских тонкостей, не освоив азов духовной жизни. Очень вероятен и противоположный ход—полный отказ от понимания, что чревато превращением молитвы в мантру. Даже молитва, нацеленная на аскетическое решение этических проблем, не может предъясняться оглашаемому как обязательное требование; более уместен переход к ней на втором или на третьем этапе оглашения (о различии этапов см. свящ. Георгий Кочетков. «Возможная система оглашения в Русской Православной Церкви на современном этапе», Православная община, 1991, № 1). Принципиально в пределах досягаемости оглашаемого первого этапа находится Псалтирь и молитва своими словами, которые друг другу не противостоят, но взаимно друг друга дополняют. Использование Псалтири во многом должно увязываться с работой оглашаемого по актуализации голоса собственной совести и познанием и исполнением воли Божией. Сами псалмы, являясь молитвами, т. е. обращением человека к Богу, одновременно заключают в себе и сильно развитый учительный элемент, т. е. как бы обращение Бога к человеку. Они говорят о пути жизни и о пути смерти. Они раскрывают образ Бога правды и образ человека с точки зрения Бога. Они раскрывают также имена Божии, принципиально важные для оглашаемого, например Бог-Творец. Поскольку вера в материю в научно-технический век завоевала особые позиции, то на отношении Бога-Творца и творения надо сделать особый акцент, чтобы объективированный взгляд на мир сменился на религиозный. Организуя процесс своей материальной жизни, человек склонен забывать, кому в конечном счете он обязан благами земли. В лучшем случае, кроме своего труда его питает еще мать-природа. Взирая на звездное небо, он приходит не к философскому удивлению, но думает о далеких галактиках, солнечных системах, планетах, на которых, возможно, есть жизнь и проч. Небеса молчат о Боге. Там дурная бесконечность и холод. Смена дня и ночи—это просто следствие вращения Земли вокруг Солнца. Псалмы же говорят, что мир имеет голос. Сверх только видимого в мире есть нечто, что затрагивает внутренний слух человека. Внимательно всматриваясь в природный мир, он внутренне может увидеть и услышать, что этот мир есть чудо, и это чудо есть самораскрытие величественного Творца, дело «рук» и «ума» искуснейших, чем человеческие. Пробуждение внутреннего слуха при правильном взгляде на внешний мир есть простейший акт трансцензуса, рождающий благоговение и трепет в сердце, пораженном величием Творца. Трансцендентность, или на языке Библии святость Бога миру, свидетельствуется и феноменом человеческой совести. Бог-Творец по определению не детерминирован ничем в этом мире. И совесть человека, будучи голосом Бога в нем, также ничем не детерминирована. Бог-Творец—Он же Бог Правды и Судия. Ясное сознание этого факта ветхозаветным человеком без труда прослеживается во множестве псалмов (18, 21, 32, 47, 89, 92), структура которых, как правило, двучленна: в первой части

творение рассматривается как свидетельство о Боге-Творце, а во второй части псалмопевец славит уже Бога Правды. Эти псалмы с соответствующими пояснениями, в случае необходимости, оглашаемому можно предложить в первую очередь. Бог Правды раскрывается в Псалтири как Бог Защитник сирот и вдов, нищих и убогих, угнетенных и пришельцев. Он требует от человека проявления в жизни тех качеств, которыми обладает Он Сам: суда (справедливости) и милосердия. Ему неуютен беззаконник и притеснитель. Он—Бог, Который смотрит на дела людей. Он—Бог Живой и Личный. Псалтирь подвигает человека соотносить на молитве волю Бога со своим собственным образом, она ставит человека перед лицом нелицеприятного Бога Судии, и ее можно употреблять при усилении открыть свою совесть, впустить в себя голос Бога. В древнееврейском языке слово «молитва» происходит от глагола *lph*, означающего «судить самого себя», конечно, перед лицом Бога. Поэтому в Псалтири столь часто встречаются выражения типа: «Рассуди меня, Господи, ибо я ходил в непорочности моей» (Пс 25: 1). Молитва неотделима от акта веры как доверия. Молитва состоялась только тогда, когда человеку удалось открыть свое сердце перед Богом. Сказать Богу полное «аминь» непросто даже верующему человеку, во всяком случае, не всегда и не во всякое время. Тем более это трудно сделать оглашаемому, еще не удостоверенному в его собственном опыте Богом, а не только из свидетельства церкви в том, что для него есть истинное благо. Страх, парализующий доверие, обусловлен, как правило, несколькими вещами. Во-первых, интуиция подсказывает, что открыться Богу—значит многое потерять. Милый сердцу грех может держать человека очень цепко. Но страх потерять греховное наслаждение может преодолеваться большим страхом перед воздаянием грозного Судии. Конечно, такой страх может быть только моментом в духовной жизни человека. Но до тех пор, пока Бог не осознан как истинное и положительное Благо, как абсолютно желанная Ценность, страх воздаяния может иметь и часто имеет свое положительное значение. Во-вторых, человека от Бога может отгораживать мнение о своей праведности. В наше время эта самоизоляция вылилась в уродливую форму отрицания реальности греха. И тут Псалтирь, содержащая значительный учительный элемент, снова оказывается необходимой оглашаемому. В-третьих, может воздействовать страх потерять самого себя. С одной стороны, за этим стоит обыкновенный эгоизм и индивидуализм. С другой стороны, Бог мыслится как некий чуждый (хотя бы потому что неизвестен) Объект, а не как самое родное свое, хотя и иное, не как последняя глубина и основание своего собственного «я». Этот элемент отчуждения в рамках Псалтири до конца, видимо непреодолим, так как в ней образ Бога еще неполон. Милосердие и долготерпение Бога, превышающие суд и воздаяние в рамках Ветхого Завета только предносятся духовному взору лучших из народа Божия, но еще не явлены. Бог Судия и Мститель доминирует, а значит, человек неизбежно тяготеет к тому, чтобы отгородиться от Него стеной самоправедности и требовать воздаяния нечестивым. Только Откровение Сына Божьего дает возможность (но не гарантию) преодолеть это отчуждение, ибо в нем нет больше Бога карающего, но есть Бог, истощающий Себя в любви к каждому человеку. Если ветхозаветный праведник в молитве требует от Бога возмездия своим гонителям, то новозаветное откровение о Боге призывает к ровно противоположному—к прощению врага, и это прощение является условием того, что Бог простит и грехи молящегося. В среднем случае современный катехумен эволюционирует на молитве от незнания греха к осознанию себя грешником сначала в рамках закона, и исполнению закона, а далее, к осознанию недостаточности закона и поиску и осуществлению благодатного единства с Богом Отцом во Христе Иисусе. Но сам этот процесс протекает перед лицом Бога Непреклонного Судии только в ту меру, в какую человеку необходимо оградить себя от греха, но уже в исходной своей точке он протекает перед лицом того Бога, Который открылся во Христе. Христос сказал: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!», но не сказал: «Покайтесь, ибо приблизилась геенна огненная!» Уже на первом этапе оглашения молитва только на уровне Псалтири недостаточна, здесь Псалтири (если не считать мессианских мест) полагается предел, а следовательно, в рамках первого этапа оглашения (только первого) полагается предел и канону молитвы, потому что дальнейшее его освоение

предполагало бы углубление в область догматических формул и определений. Содержанием молитвы становится не только закон, но и поиск Царства Небесного, поскольку путь в него открыт каждому искренне желающему войти. Эта молитва еще не Христу, но во Христе, ибо Он единственный посредник между Богом и каждым человеком, Он создал эту возможность, Он дверь, и в Нем греховное человечество имеет дерзновение без всяких предварительных условий, кроме покаяния, обратиться к Богу Отцу. Только во Христе человек имеет и возможность начать путь из греховной бездны, и надежду его пройти. Перед лицом грозного Бога Судии это невозможно. Весь этот процесс покаяния личностный, и в нем нет канона, он невозможен без личностной свободной молитвы. В человеке образ Божий неистребим, а значит неистребима жажда Жизни, Свободы, Любви, Красоты, Истины, Добра. Такой порыв к Богу и есть собственно молитва. Но мы живем уже не в ту духовную эпоху, когда Закон и жизнь по Закону определяют все в духовной жизни личности. Это не значит, что переход от канонической к собственной молитве совпадает с переходом от Ветхого Завета к Новому. Уже Ветхий Завет, бесспорно, знал свободную молитву. Ясно, что молитва непременно связана с конкретной ситуацией в бытии мира и человека и с отношением к этой ситуацией Бога, и потому она совершенно не обязана подчиняться букве закона. Ясно, что свободно молились все пророки, совершая дело Божие на земле. Когда ученики Господа подошли к Нему и просили научить их молиться, они, вероятно, сделали вполне принятую в те времена вещь в отношениях учеников к своему учителю. И волновали их, конечно, не молитвенные навыки, а содержание молитвы. Господь дал им и нам молитву «Отче наш». Он дал ее не как окончательный фиксированный текст, но как совершенный образец для всякой другой молитвы. В этой молитве гармония канона и свободы. В ней дан весь диапазон содержания жизни человека. В ней даны все предельные цели его бытия, но дана и полная свобода в их реализации. Она призвана питать именно алчбу человека, движение его духа. Такое соотношение канона и свободы в молитве едино для Ветхого и Нового Завета, потому что есть Бог, Который дарует Откровение, и есть человек, которому предстоит его усвоить, но различно содержание Откровения. Традиция фиксированной молитвы стала единственной и господствующей в талмудическом иудаизме. Эта практика обосновывается тем, что на молитве надо избежать языческих попыток умиловить божество и добиться от него исполнения своих желаний: молитва же призвана изменить не Бога, а человека. Молитва неизменна, потому что неизменны добродетели, которые человеку предстоит усвоить. Правда, фиксированная молитва может быть авторской. «Всегда прежде следует составить собственную молитву, а затем молиться» (Талмуд, Беракот 32а). В Новом Завете молитва по преимуществу есть *prarrhsia*—свободоречие, то есть полная откровенность, совершенная открытость Богу сердца. Она—неизглаголанное воздыхание духа, вопиющего: «Авва-Отче!», ибо нет законченного списка добродетелей, а есть мощный призыв: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5: 48). Это предельный уровень молитвы, но он не противостоит канонической молитве как нечто ее упраздняющее, а именно как уровень более высокий превосходит ее. Во Христе каждый имеет возможность предельно открыть свое сердце Богу, но и Отец Небесный такому человеку раскрывает Свои объятия. Поэтому в принципе невозможно создать закрытого списка истин, заключенных в слова молитвы. Бог неисчерпаемо раскрывает глубину Своей Личности человеку. «Есть же и многое другое, что сотворил Иисус: если бы обо всем том писалось, думаю, что и самому миру не вместить тех книг, которые стали бы писать» (Ин 21: 25). Каноническая молитва действенна не в силу своей каноничности как таковой, а в силу все той же открытости человеческого сердца к восприятию истин, заключенных в этой молитве. Но и свободная спонтанная молитва неустранимо содержит в себе канонический элемент в виде имен Божиих, смысл которых неограниченно раскрывается свободному и освобожденному человеческому духу. Поэтому критерий свободной молитвы не отсутствие текста (так же как и каноничности ее—не его наличие), а открытость сердца человека Богу. У святых отцов мы не находим обязательного требования молиться только канонической молитвой. Когда св. Василий Великий говорит, что на молитве нельзя баснословить по-язычески, а надо выбирать

слова из святых Писаний, то по его высказыванию видно, что слова из святых Писаний—это как раз имена Божии; все же остальное построение молитвы свободно. Само наставление святого отца уже есть некоторая свободная молитва. «И когда будешь славословить Его, не блуждай умом туда и сюда, не баснословь по-язычески, но выбирай слова из святых Писаний и говори: Благословляю Тебя, Господи, долготерпеливого и незлобивого. Для того, Господи, Ты молчишь и терпишь, чтобы мы славословили Тебя, домостроительствующаго спасение рода нашего, и подобное. Когда же кончишь славословие, по мере твоих сил заимствованное из Писаний, и возслещ хвалу Богу, тогда начни со смиренномудрием и говори: недостойн я, Господи, говорить пред Тобою, потому что весьма грешен,—более всех грешников грешен я. Так молись со страхом и смиренномудрием. Когда же совершишь обе эти части славословия и смиренномудрия, тогда проси уже, чего должен ты просить» [2, с. 14]. Удачно соотношение канонической и свободной молитвы выразил И. Ильин: «И церковные молитвы отнюдь не возбраняют человеку слагать в сердце свои личные молитвы; церковь дает только образец, мерило, направление и верный акт... Молитва имеет бесчисленное множество форм и содержаний, ибо она сопровождает человека через всю жизнь и в каждый новый иной миг жизни слагается и восходит по-новому, по-иному» [3, с. 345]. Приступая к канонической молитве, оглашаемый находится в противоречивой ситуации: перед ним полностью или частично закрытый для него текст, который надо иметь открытым для понимания, чтобы молиться. Эта ситуация имеет только одно решение: прежде чем открыться через текст, Бог должен открыться лично этому человеку. Еще до канонической молитвы должно состояться ответное свободное движение человеческого духа к Богу. Только притяжение к Богу гарантирует притяжение к каноническому тексту не как к букве, а как к способу вхождения в божественные истины и тогда взаимодействие свободного движения духа человека и божественных истин принесет добрый плод. Опыт познания Бога предшествует любому его оформлению, будь то каноническая, будь то свободная молитва. Прежде должна состояться молитва как свободный духовный акт. И только после этого она может обретать те или иные словесные формы. Но невозможно и без словесных форм, особенно в начале духовной жизни. Через словесное выражение опыт духа доходит до полной ясности сознания и тогда только приобретает должную прочность; форма противостоит хаосу подсознательных движений человеческого сердца. Но дух всегда должен понимать ее как форму, а не как самодовлеющее начало. Только в этом случае форма будет поддерживать молитвенный импульс, а не создавать средостение между Богом и человеком. Поэтому уже с самого начала духовной жизни, на первом этапе оглашения равно необходимы каноническая и свободная молитвы. Если первая послужит учителем, то вторая никогда не даст человеку обмануть самого себя, не допустит иллюзорной уверенности, что сам прочитанный текст уже и составляет молитву; она сразу покажет, о чем человек молится и есть ли ему вообще о чем молиться. Диалектика здесь такова: свободное движение человеческого духа обретает твердую опору в каноне, но затем простирается дальше к новой укрепленной и обогащенной свободе, к обретению новой глубины в истинах веры. Поэтому потребность в Псалтири для молитвенной практики оглашаемого первого этапа обусловлена не только ее содержанием, но и тем, что она представляет собой фиксированный молитвенный текст, к которому можно возвращаться снова и снова, чтобы различить голос Бога, ищущего освободить для Себя сердце человека. Голос Бога доходит до человека из трех источников: от внешнего мира, изнутри самого человека, и голосом совести других людей, зафиксированным в тексте. Поскольку в среднем случае совесть человека весьма немощна, то она нуждается в восстановлении не только через преподание учения о воле Божией, но именно через молитвенное усилие, где соединяются и норма совести и усилие человека по ее усвоению. В этом отношении попытка открыть Богу свою совесть только изнутри, своими собственными силами часто для оглашаемого оказывается недостаточно эффективной, а иногда и вовсе не удается. Внутреннее внимание его расслаблено и он не в состоянии держать в едином молитвенном акте и требование Божьей правды, и имя Божие в истинном его содержании, через которое (имя) он в данный момент к Богу обращается, и

видение себя во всей полноте своего жизненного пути и конкретного текущего момента, и движение сердца, и ответ Божий, и т.д. Готовый молитвенный текст, содержа богооткровенные истины, выверенные Церковью, дает необходимую опору для того, чтобы достичь на молитве единства всех сторон во внутренней деятельности человеческого духа. «Вникай во всякое слово и мысль слова до сердца доводи, иначе—понимай и чувствуй» [7, с. 7]. А если что-то сильно подействовало на душу, то надо остановиться попитать этим местом душу свою, оставив правило неоконченным. Вот в чем молитва—"понимай и чувствуй". Готовое слово молитвы, несущее богооткровенные истины, развивает духовное мысленное видение. Чувство—реакция на эти истины, голос совести, который жжет, коробит, гложет, колет, казнит, внушает отвращение и т. д. Совесть—сигнал тревоги. Ее острие направлено на то, с чем она не может помириться. Конечно, реакция сердца может быть и радостной, если Бог принял молитву положительно и затронул сердце человека Своею благодатью. Через чувство Бог оставляет след в памяти человека, только тогда откровенная истина в нем прочно закрепляется. Вот как описывает научительный потенциал канонической молитвы свт. Феофан: «Припомните, как учатся, например, языкам. Сначала заучивают слова и обороты речи по книгам. Но на этом не останавливаются, а стараются с помощью его доходить и доходят до того, что сами, без пособия заученного ведут правильно долгую речь на изучаемом языке. Так надо поступать и в деле молитвы. Навыкаем мы молиться по молитвенникам, молясь посредством готовых молитв, переданных нам Господом и святыми отцами, преуспевшими в молитве. Но на этом одном останавливаться не должно; надо далее простираться и, навыкнувши умом и сердцем, обращаться к Богу с стороннею помощью, надо делать опыты возношения к Нему—и своего собственного, доходить до того, чтоб душа сама своею, так сказать, речью вступала в молитвенную беседу с Богом, сама возносилась к Нему, и Ему себя открывала и исповедовала, что есть в ней и чего желательно ей» [4, с. 10]. Логика свт. Феофана проста и верна: кто вникает с усердием в текст молитвы, тот «в силу закона взаимодействия непременно вкусит силы молитвенной по мере сближения своего с содержанием молитвы» [4, с. 5]. А итог его поучений—слова: «Навыкайте молиться своею молитвою» [5, с. 116].

II. Закон молитвы как чин и норма деятельности человеческого духа (как молиться)

Понятие канона молитвы кроме откровенных истин о Боге и о человеке, собранных в целостные тексты, содержит в себе еще и четыре типа молитвословий, вытекающих из этих истин: славословие, благодарение, покаяние (смиренномудрие), прошение. Эти четыре основных формы мы находим уже в Псалтири. Они даны в разных сочетаниях. Благодарение часто из славословия не выделено. Псалмов, представляющих чистый образец той или иной молитвенной формы, не много, как правило, они смешаны в разных пропорциях в рамках одного псалма. Но в предании Православия выработан порядок соединения этих четырех типов молитв: сначала идет славословие (благодарение), затем—покаяние (смиренномудрие), затем—просьба, затем—благодарение. Этот порядок отчетливо прослеживается в цитированном выше отрывке из св. Василия Великого. Есть и другое свидетельство—св. Иоанна Лествичника: «Прежде всего на хартии моления нашего поместим искреннее благодарение; во-вторых—исповедание грехов с душевным в чувстве сокрушением; после всего поведаем Всецарю и прошение наше. Такой чин молитвы есть самый хороший, как показано одному из братьев Ангелом Господним» [2, с. 154]. Св. Василий Великий ставит славословие на первое место в молитвенном правиле по той причине, что считает этот тип молитвы самым высоким. Прощение вынуждено, славословие—свободно, потому что проистекает из свободного усмотрения Бога как абсолютной ценности, и потому, если, конечно, идет от сердца,—бескорыстно. Такое бескорыстное славословие побуждает к искреннему смиренномудрию и поднимает прошения от житейских нужд до стремления обрести Царство Небесное. Но этот порядок для оглашаемого и самый трудный. Опыт личного богопознания еще только начинает накапливаться, имена Божии еще звучат достаточно абстрактно. Поэтому

здесь снова уместно обращение к Псалтири. Оглашаемому можно рекомендовать начинать молитву именно с псалмов славословия Бога Творца неба и земли, Бога, даровавшего откровение Закона, Бога, явившего в истории Свою спасительную силу, милостивого к человеку, который чтит Его. Это псалмы: 8, 18, 28, 32, 92, 94, 95, 96, 97, 98, 102, 103, 106, 112 и др. Славить Бога трудно еще и потому, что славословие предполагает перенесение центра жизни с себя на Бога, чего от оглашаемого первого этапа оглашения ожидать в какой-то более или менее развитой форме, конечно, не приходится. А вот покаяние, прошение и благодарение ближе его сердцу, доступнее его опыту. В этих молитвах—максимальный простор для молитвы своими словами, хотя и здесь есть свои нюансы. Проще всего каяться своими словами в своих личных грехах, но молитва смиренномудрая, признание своей полной зависимости от Бога явно представляет собой проблему, потому что снова требует от человека перестать мыслить себя центром мироздания и поставить в этот центр Бога. Для питания этого правильного строя мыслей и чувств хорошо оглашаемому ввести в свою молитвенную практику псалмы: 48, 61, 74, 89, 126. Из веры в Бога, «Который смотрит», вытекает принципиально важное понятие о молитве как о предстоянии. Раскрывая оглашаемому этот образ молитвы, необходимо привлечь его внимание к ряду моментов. Из корыстной природы падшего человека «естественно» рождается представление о том, что молитва—это прежде всего прошение у Бога чего-либо или в лучшем случае некая речь к Нему. На такую мысль наталкивает подсознательно сам глагол «молить», синонимичный глаголу «просить». Он невольно втягивает в молитву весь опыт того, как и что привык просить человек в своей мирской жизни. Он также сохраняет в молитве акцент на собственном «я», в то время как требуется ровно противоположное—сместить его на Бога. Вполне искренне стремясь хорошо помолиться, оглашаемый думает, что удачная молитва это та, в которой много слов, и в результате получается языческое многословие. Но молитва скорее требует от человека умения слушать и трезвенно видеть самого себя, чем говорить. Механическая молитва есть именно та, на которой человек себя не слышит." Многие ходят в церковь, прочитывают тысячи стихов и выходят, но не помнят, что читали. Уста двигались, а слух не слышал. Сам ты не слышишь своей молитвы, а хочешь, чтобы Бог слышал твою молитву?" [2, с. 84]. Молитву можно определить как ожидающую обращенность к Богу. Человек предстоит Живому Богу, а значит должен быть предельно сосредоточен и внимателен. «Молитва по существу своему—стояние перед Богом лицом к лицу, с сознательным желанием быть собранным и совершенно спокойным и внимательным в Его присутствии; это означает стоять с неразделенным умом, неразделенным сердцем и неразделенной волей в присутствии Господа» [6, с. 42]. В молитве в полной мере раскрывается принцип синергии Бога и человека. Человек должен приложить максимум усилий для того, чтобы превратить спонтанное движение духа к Богу в осознанный внутренний императив, выработать прочные навыки организации сил души на молитве. Оглашаемого здесь подстерегает типичное искушение—молиться под настроение, что обычно подкрепляется тезисом о необходимости искренности на молитве, которое якобы несовместимо с волевым усилием как насилием. Однако Царство Божие нудится, и молитва подчинена фундаментальному духовному принципу нужения. Пробудив человека, Бог ждет, будет ли он снова и снова стремиться открыть Ему в молитве свое сердце. Евангельские образы того, как Царство Божие нудится, многообразны: «Просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И, когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» (Мф 7: 7-11). Настойчивость усилий явно выражена как принцип духовной жизни в притче о человеке, который ночью пришел взять займы хлеба у друга (Лк 11: 5-8), и в притче о судье неправедном (Лк 18: 1-8). В этих притчах отчетливо звучит требование-призыв к напряженному личному внутреннему усилию и поиску, который не заменит никакое правило, а значит к личной молитве, даже если при этом используется то или иное правило. Это усилие исходит из самой глубины человеческого «я» как стремление выйти за пределы себя самого и устремиться к Богу. Эта самая глубокая

внутренняя воля в единстве с умом, предчувствующим истину, первоначально должна овладеть своим вниманием. Поначалу воля быстро утомляется и бывает не в силах продолжать длительное время удерживать направленность духа к Богу. Особенно ее сковывают впечатления, накопленные сердцем в его прежней прилепленности к делам и заботам мира сего. Как только начинается содержательный процесс общения с Богом эта озабоченность тут же прорывается. В этом отношении молитва является также и хорошим показателем того, к чему открыт человек, чем он занят в действительности, какой предмет его захватил. Здесь необходимо преодолевать не только житейские и хульные помыслы, ничтожество которых очевидно, но и то, что молящемуся представляется высоким и даже то, что, как ему кажется, от него требует Сам Бог любви. Обычно таким искушением становится молитва за других. Она может сопровождаться сильными переживаниями и потому порождать иллюзию состоявшейся молитвы. Однако новоначальный, как правило, не замечает того, что предметом переживаний на этой молитве был не Бог и даже не ближний, а он сам. Другая распространенная ошибка того же порядка—превращение молитвы в рассуждение, в разговор с самим собой. Поэтому на первом этапе оглашения необходимо исключить для оглашаемого молитвы за других на личной молитве, конечно, с поправкой на конкретную ситуацию конкретного человека, и оставить только церковное поминовение живых и усопших. Рациональное рассуждение по поводу той или иной ситуации могут иметь место только за пределами молитвы. Для борьбы с рассеивающимся вниманием Церковью выработано только одно правило: непрестанно возвращать свое внимание в ту точку молитвы, с которой оно соскользнуло. И так—пока не будет достигнуто совершенство. В решении этой задачи снова необходимо подчеркнуть роль фиксированной молитвы. «Начало и твердое основание доброй молитвы есть, чтобы молящийся одним решительным словом, с самого начала отгонял приражение помыслов худых, которые подступают к уму его. Середина ее есть, чтобы ум был весь заключен в слова и мысли молитвы и чтоб отнюдь не думал ни о чем другом, даже самомалейшем. Совершенство же ее есть, чтобы ум восхищался и восходил совершенно весь к Богу.» [2, с. 161]. Итак, первоначально усилием воли необходимо отрешиться от приражения худых помыслов. На втором этапе в молитву активно включается деятельность ума. Отрешенное внимание не может висеть в «воздухе». Оно нуждается в предметном содержании. Этот предмет дает накопленный Церковью опыт Богопознания. Этот опыт выражен, зафиксирован. Богомыслие, содержимое Церковью, дает рамку, верные границы восприятия благодати. Потому на этом этапе молитва обязательно словесна. Слово, имя Божие становится тем резервуаром, в который потоки благодати несут все новое и новое божественное содержание, расширяя, углубляя и укрепляя духовную предметность молитвы. Задача ума—уловить грани божественного бытия. Бог конкретен в Своем бытии, Он не есть абстрактная пустота. Но здесь необходимо опасаться объективации. Ум ограничивает Бога. И это его свойство ума в испорченном человеческом духе имеет тенденцию выйти за пределы, ему отведенные, и занять главенствующее положение. Для современного оглашаемого это особенно опасно, так как абстрактный, а не предметный способ восприятия доминирует в нем как инерция всей предшествующей жизни, навязывая ему внутреннее стремление невидимое увидеть как видимое, подменить дух буквой, вещественной или идеальной. Поэтому богомыслие как деятельность ума может быть только направляющей формой, но не самодовлеющим предметом молитвы, ибо истинный предмет—Сам Бог, и молитва есть личная с Ним встреча, соприкосновение духа человеческого и Духа Божия. Это тот третий тип молитвы, когда дух полностью востекает к Богу, превосходя всякий ум. Итог усилий воли и ума на молитве—возникновение в сердце определенных чувств. Всякое чувство есть ощущение, переживание непосредственного единства с предметом ощущений. Поскольку по молитве искомое единство—Сам Дух Божий в Своих силах, энергиях, постольку на молитве нельзя стремиться к переживанию каких-то чувств, а тем более искусственно их в себе стимулировать. Поддавшись этому искушению, оглашаемый почти неизбежно соскользнет на кумиротворение, иногда очень тонкое, ибо инстинктивно, по пагубной привычке падшего человека, стремится доставить приятные ему чувства. Тут нужно терпение, готовность ждать

столько, сколько будет нужно, того момента, когда Сам Бог коснется духа и пробудит те чувства, которые угодны Ему. Надо дать полную свободу Богу, а не своей испорченной самости. Возникновение тех или иных чувств должно осознаваться как дар Божий, как действие Самого Бога. В диалоге человека и Бога дело человека—целиком сосредоточиться на узрении некоей духовной истины о себе и Боге, соединенное с решимостью изменить положение дел по воле Бога. Воздействие на чувства—дело Бога, Его ответ в сердце человека. Еп. Феофан Затворник так и определяет молитву: «Сама молитва есть возникновение в сердце нашем одного за другим благоговейных чувств к Богу—чувства самоуничужения, преданности, благодарения, славословия, прощения, усердного припадания, сокрушения, покорности волей Божией и проч.» [4, с. 4]. Без этих и им подобных других чувств молитвы нет. Подлинное нелицемерное, т.е. внушенное свыше чувство, всегда имеет плод в воле, уме и жизни. Воля укрепляется, побуждает снова и снова обращаться к Богу, ум становится совершеннее во всех своих качествах, глубже в познании Бога. Новое обращение к Богу приносит новый ответ в сердце, что снова укрепляет волю и ум. Так образуется некий цикл, в который постепенно втягивается вся жизнь человека. Молитва становится как бы дыханием духа человека. Поскольку человек есть воплощенный дух, то закон охватывает и телесную его сторону. Внешняя или телесная молитва воспитывается двояко: через храмовое благочестие и дома—через соответствующие телесные знаки молитвы и оформление места молитвы. Научение телесной молитве—наложение крестного знамения, главопреклонение, поясной и земной поклоны—вещь не малая, хотя и подчиненная закону внутренней молитвы. Для известного возраста свт. Иннокентий Московский почти отождествляет молитву с ее внешними знаками: «Ничьих детей (выключая круглых сирот), отнюдь не принимать в училище, если они не будут уметь молиться, т.е. правильно изображать на себе крест и класть поклоны как следует...» [7, с. 28]. Для современного человека эти внешние знаки представляют известную трудность: слишком сильно давит страх уподобиться, как он думает, каким-то там невежественным старухам, ибо рабски бить поклоны—это их дело, а не его—свободного человека. Мешает и ложное представление об искренности, и вполне обоснованное опасение формализма. Обряд кажется пустым и не нужным. Мешает гордыня. Внешние знаки молитвы надо вводить постепенно, без лишнего давления, но последовательно, прививая понятие о их осмысленности и необходимости, в силу целостности человеческого существа, и потому значимости для духовной жизни в целом, как и для самой молитвы по закону психо-физической корреляции.

III. Место и время (где и когда молиться)

«Не место требуется, а благонастроенное сердце» [2, с. 82]. По отношению к месту и времени молитвы среди катехуменов обычно распространены две крайние позиции. Те, кто понимает независимость молитвы от места и времени, склонны заходить слишком далеко и думать, что эта независимость делает совершенно ненужной храмовую молитву и домашнее благочестие с другой стороны есть те, кто считает, что молиться можно только в храме или по крайней мере в соответствующем образом оформленном месте и в определенное время. Толчея мира сего делает иную молитву невозможной и даже оскверняют ее. Снимая эти крайности, надо иметь в виду, что все-таки и время и место молитвы—вещи не совсем безразличные. Поначалу, пока человеку еще трудно сосредоточиться и войти в себя, нужно выделять то место и время, которые максимально способствуют такому сосредоточению и о выборе этих мест и такого времени неплохо позаботиться заранее. Место и особенно время молитвы связаны и с ее содержанием. Так, вечер и ночь—наиболее благоприятное время для молитвы покаяния. Днем, в момент максимальной активности всех человеческих сил, вероятно лучше всего молитвы, связанные с углублением в истины веры или усмотрением пути своей жизни. Впрочем, связь времени и содержания молитвы нежесткая. В заключение представим синоптически тот ряд признаков молитвы, которые катехумен должен иметь в своем опыте к концу первого этапа оглашения: необходимо сбалансированное использование личной и фиксированной

канонической молитвы (Псалтирь). Этот баланс определяется индивидуальными свойствами человека. Они могут развиваться параллельно или с акцентом на одной из них; молитва есть предстояние Богу; молитва есть видение самого себя в свете Божественного Откровения, иначе говоря, умение увидеть себя глазами Бога; молитва есть умение открыть Богу сердце; наилучший чин молитвы: славословие—смирennemудрие (покаяние)—прошение—благодарение (благодарение может начинать чин); молитва в полноте—это parrhsia; полная откровенность; молитва есть умение не только говорить нечто Богу, но и, главным образом, слушать Его; молитва требует единства воли, ума и чувства в их полной концентрированности на Боге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Георгий Кочетков, священник. Возможная система оглашения в Руской православной церкви на современном этапе. Православная община, 1991, № 3. С. 26–39.2. Святые отцы о молитве и трезвении. М., 1992. 439 с.3. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. 448 с.4. Феофан Затворник, епископ. Четыре слова о молитве. Москва. 32 с.5. Феофан Затворник, епископ. Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться? Репринт. Изд. 6-е. Редакционно-изд. объединение. СПб, Ленинград, 1991.6. Антоний, митрополит. Сурожский. Молитва и жизнь. Рига, 1992. 94 с.7. Иннокентий, митрополит. Московский. Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества/Жизнеописание Иннокентия митрополита Московского, апостола Аляски. М., 1991. С. 23–45.8. О. Иоанн Кронштадтский. В мире молитвы. СПб., 1991. 71 с.9. Архиеп. Павел. Как мы веруем. Вильнюс, 1991. 79 с.

Сергей Фудель: Свет Церкви

Богословие и философия

Церкви вверен свет Божий.

Св. Ириней Лионский

ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ есть продолжение в истории жизни Иисуса Христа. В этом все объяснение Церкви. Христос - в Его Тайной Вечере, Голгофе и Воскресении, Христос - в Его святости продолжает Духом Святым жить в теле Церкви. Мы можем говорить только о такой, о действительно святой Церкви, так как только такая Церковь есть любовь и надежда человечества. Она есть свет, который «во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1: 5). И она истинно существует: следы ног святых мы видим и в наши дни. Было достаточно тьмы истории. Церковь пытались смести с лица земли языческие императоры. Церковь хотели бы исказить все еретики - от гностиков до Толстого. Но гораздо страшнее для Церкви всегда была тьма внутренняя: не турецкие султаны, рубившие головы, и не люди, явно или примитивно искажавшие догматы веры и тем самым отделявшиеся от Церкви, а та сила зла, которая, никуда от Церкви внешне не отделяясь, Церковь как бы не отрицая, изнутри растлевала церковное тело, отвоевывая себе пажити порока внутри церковной ограды. Эта внутренняя тьма есть следствие отрыва веры от любви, вероучения от жизни, создание какой-то призрачной, словесной или «символической» веры, не идущей путем подвига любви, путем исполнения заповедей. «Вера ваша влечет вас на высоту, а любовь служит путем, возводящим к Богу. Потому все вы - спутники друг другу. Богоносцы и храмоносцы, христоносцы, святоносцы, во всем украшенные заповедями Иисуса Христа» (св. Игнатий Богоносец, 1, с. 311). Подвигом любви в исполнении заповедей вера восходит к Богу. Поэтому другой первохристианский учитель, апостол Варнава, слово «любовь» заменяет понятием «доброй жизни», т. е. исполнения заповедей: «Догматов Господних три: вера, надежда и добрая жизнь» *.

*. Путь воздержания ведет к усвоению их разумения». _____ * В переводе прот.

П.Преображенского: «Божественных установлений три: чаяние жизни, ее начало и совершение» [1, с. 63).

»Любовь есть самое действие заповедей Господних!» (Георгий Задонский, 2, с. 255). Призыв к подвигу есть призыв к личной Голгофе, через которую человек ведет борьбу с темнотой внутри себя, а тем самым – и внутри Церкви. Это и есть великое дело Христово в мире, Его «великая мысль», чтобы через бесчисленные Голгофы людей, через их жертвенную веру и любовь загорелось над миром вселенское Воскресение. В этом смысл жизни Церкви. Призыв к подвигу пронизывает все учение и апостолов, и первохристиан, и всех святых до наших дней.

«Облечься во имя Христово и не идти путем Христовым – не есть ли это предательство имени Христова? (Св. Киприан Карфагенский, 3, с. 305). Вина прелюбодея гораздо тяжелее и хуже вины откупившегося от мучений. Внутренняя тьма есть болезнь Церкви. «Церковь есть тело Христово. Это тело подвержено большим болезням и заразам, нежели плоть наша, скорее повреждается и медленно выздоравливает, – говорил св. Иоанн Златоуст. – В чем другом состоит долг пастыря, как не в том, чтобы показать тело достойным непорочной и божественной Главы?» Внутренняя болезнь Церкви создает исторический факт сосуществования двух аспектов или элементов церковных: пшеницы и плевел, растущих географически на одном участке земли. «Церковь – Божественное общество святых» (прот. Иоанн Кронштадтский, 4, с. 32), или, по Апостолу, – Невеста Христова. Она существует как-то вместе или рядом с людьми, только носящими ее святейшее имя и не живущими в нем. Чтобы приблизиться к пониманию того, как возможно это сосуществование добра и зла внутри общей ограды, надо представить себе бытие отдельного человека. Преп. Макарий Великий пишет, что в нас действует зло, как на одном поле растет и пшеница, и плевелы. В одном сердце действительны два рода жизни: жизнь света и жизнь тьмы. «Дух чистый и Святой, пребывая в душе, состоящей еще под действием лукавого, ничего от того не заимствует; ибо свет во тьме светит, и тьма не объяла его» [5, с. 139, 141]. Святая Церковь «ничего не заимствует» от тьмы церковной, но эта тьма все время стремится «объять» ее, совершенно так же, как и жизнь малой церкви – отдельной человеческой души. Это есть попытка зла внутренним омертвлением тканей церковного тела доказать призрачность его бытия, то есть практически, не на соборах, а на деле доказать ложность догмата о Церкви. Если все устремление еретиков первых веков было против богочеловечества Главы Церкви, попыткой умалить или Его Божество, или Его человечество, то внутреннее заражение пороком церковных людей имеет целью показать фактическую неудачу всего Его великого замысла. Если те ереси для Церкви уже потеряли свое острие, то эта ересь жизни не только никогда не ослабеет, но, наоборот, чем ближе конец истории, тем все страшнее будет ее наступление на Церковь, чтобы еще успеть доказать, что не было, что никогда не было в истории Тела Христова, пленами или плащаницею обвитого. Омрачение пороком церковных людей или заражение Церкви мирским нечестием идет, можно сказать, с первых дней ее бытия. Уже в первоначальной Иерусалимской общине апостол Петр счел необходимым при всех обличить Ананию и Сапфиру в корыстолюбии и лукавстве (Деян. 5). Апостол Павел во многих местах своих посланий открыто обличает самые низкие пороки церковных людей и отдельных церковных общин. От этих двух верховных апостолов через всю историю Церкви идет такое открытое обличение тайного церковного зла отцами и учителями Церкви. Святые не допускали никакой лакировки церковной действительности: только светом обнаруживается и, тем самым, становится доступным для излечения это великое скрываемое зло. Восточная Церковь по-прежнему остается единственной хранительницей полноты апостольского учения о святости Церкви. Но можно ли безнаказанно долго хранить учение о святости, не храня эту святость в жизни? Очень страшно, очень церковно ответственно наше, казалось бы, частное и незамечаемое зло. В Церкви нет частного и нет незамечаемого. «Аще страждет один член, с ним страждут и все члены» (1 Кор 12: 26). Конечно, всякое наше личное зло внутри церкви есть зло не святой Церкви, а против святой Церкви (прот. В. Свенцицкий). Но оно непосредственно увеличивает церковную болезнь, отсекая «члены Христовы».

«Нечистота (человека), – пишет еп. Феофан Затворник, – есть посягательство на благо всей Церкви» [6, с. 420–422]. «Малая закваска квасит все тесто» (1 Кор 5: 6). Ведь святая вселенская Церковь создается из церковью отдельных людей. «Вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас» (1 Кор 3: 16). Слово «Церковь» говорится и о многих, и об одной душе. «Церковь можно разуместь в двух видах: или как собрание верных, или как душевный состав» (Макарий Великий, 5, с. 100, 101, 133 и др.). Борьба за чистоту этого «душевного состава», за созидание внутри себя «малой церкви» и есть жизнь церковных людей. Церковь есть сораспятие и совоскресение Христу, и только участвующий в этом, хотя бы в малейшую меру своих малых сил, участвует в святой Церкви. Один русский подвижник XIX века писал: «Мир не гонит своих любимцев, а влюбленных в Иисуса Христа терпеть не может. Когда бы нам сопротивности не встречались, мы не принадлежали бы к воинствующей Церкви» (Георгий Задонский, 2, с. 252). Внутренняя духовная борьба христианина с «сопротивностями» есть борьба за святую Церковь и в себе, и в истории, и единственное победоносное доказательство догмата о ней. Эта духовная борьба, как говорил Макарий Великий, состоит в «предначатии человеческой любовью и волей и в совершении дела подвига Духом». Человек должен только «предначать», и чем неуклонней в Церкви эта человеческая воля к подвигу, это «предначатие», тем сильнее совершающаяся или осуществляющая подвиг благодать Святого Духа. Чем больше в Церкви Голгофской любви, тем все явственней в ней огни Пятидесятницы. Благодать все совершает, но для этого совершения она ждет от человека движения его любви и свободы, его попытки совершить. Как кровоточивая жена «имела ноги, чтобы прийти ко Господу и пришедши получить исцеление, а подобным образом и слепой, хотя не мог прийти, потому что не видел, однако же послал глас, потекший быстрее вестников, ибо сказал: «Сыне Давидов, помилуй мя!»... и получил исцеление, так и душа... имеет волю возопить ко Иисусу и призвать Его, чтобы пришел Он и сотворил душе вечное избавление» (Макарий Великий, 5, с. 171–173). Слезы святых об оскудении церковной жизни явно доказывают, что в церковной истории нет постоянства подъема, а есть периоды подъема и периоды упадка духовной жизни. Больше того, в смысле количественном, в масштабе социально-историческом осуществляется пророчество Евангелия об оскудении веры, а тем самым и Церкви: «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк 18: 8). Все меньше воплей слепых «помилуй мя!», все меньше кровоточивых идут коснуться края ризы Его, все больше в нас, церковных людях, духовного омертвения и все меньше, тем самым, преобразующей нас благодати. Второй, темный аспект Церкви все больше расширяет свою мертвую область внутри общей церковной ограды. Таков предуказанный Евангелием ход церковной истории, и никакие римские мечтания о какой-то благополучной культурно-исторической миссии христианства, о его победе в истории, этот ход не изменят. Мечта об этой победе Христа в истории есть исконное непонимание Его дела в мире, и не только со стороны ветхозаветного иудейства, распявшего Христа именно за разрушение этой мечты в ее иудейско-националистическом аспекте, но и со стороны многих христиан. «Иуда, не Искариот, говорит Ему: Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам (т. е. Церкви), а не миру? Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин 14: 22, 23). Христос в истории спасает человека, а не историю, не мир, но Церковь, то есть только людей, «возлюбивших явление Его». И для этих людей дано и другое пророчество Евангелия: «Созиджу Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16: 18). Ни темнота истории, ни все увеличивающаяся темнота церковной действительности не погасят света святой Церкви. «Господи! Пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут». Что же говорит ему (Илии пророку) Божеский ответ? «Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колена пред Ваалом». Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток» (3 Цар 19:10, 18; Рим 11: 3,4, 5).

«Не оскудеют у Бога люди, через которых дело Его будет совершаться непорочно» (Варсануфий Великий, 7, с. 293). «Брат спросил св. Нифонта Цареградского: «Как ныне святые

умножились во всем мире, то будет ли так же и при кончине века сего?» Блаженный сказал ему: «Сын мой, до самого скончания века сего не оскудеют пророки у Господа Бога. Впрочем, в последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди них знамений и чудес, но пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царствии Небесном окажутся большими древних отцов». Таковы обетования слова Божия и пророчества святых. Сколько бы истинных христиан ни осталось к концу времен, святая вселенская Церковь и тогда будет озаряться светом Пятидесятницы. И, может быть, самый победоносный, самый яркий свет Церкви будет именно тогда, когда, по Евангелию, будет так трудно «найти веру на земле». «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Литература

1. Писания мужей апостольских. Репринт. изд. 1895 г. Рига, Латвийское Библейское Общество, 1994.2. Письма затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия. Воронеж, 1860.3. Творения святого священномученика Киприана, еп. Карфагенского. Киев, 1862, т. 2.4. Живой колос с духовной нивы. Выписки из дневника прот. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1911.5. Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послание и слова. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904.6. Еп. Феофан. Начертания христианского нравоучения. М., 1891.7. Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. М., 1883.

Оливье Клеман: Свидетели надежды в кризисном мире

Богословие и философия

Печатается по материалам SOP (Православная пресс-служба), 1992, № 168.

14-15 марта 1992 г. в Марли-ле-Руа (Ивелин) состоялась ежегодная генеральная ассамблея движения «Христианское действие за отмену пыток» (АКАТ) на тему «Свидетели надежды в кризисном мире». В своих размышлениях 450 делегатов, представлявших 16000 членов этого движения, ориентировались на три выступления, последовательно сделанные кардиналом Жаном-Карлом Тома, епископом Версаля, Паоло Рика, преподавателем факультета протестантизма Римского университета, и Оливье Клеманом, преподавателем Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Ниже опубликован перевод выступления О. Клемана.

Часто говорят, что надежда—это побег в мечту, совершаемый, когда жизнь становится слишком тяжелой. Однако если всмотреться в надежду, то в ней проступают знаки инобытия: весь тот свет, то добро, та красота, какие оплодотворяют историю, какие дают ей дыхание вечности. Печать вечности лежит на тех, кто отдает жизнь свою за други своя и кто прощает врагов. Вечность проступает в тех, кто снова и снова умирает, чтобы из смерти восстала жизнь и, говоря словами «философа с молотком» (выражение Ницше. Это образ философа, сокрушающего общепринятые ценности.—Прим. пер.), дает возможность хаосу время от времени рождать звезду.

Сначала я буду сознательно, в манере, может быть, несколько иронической, говорить о

христианстве как об источнике брожения, как о кризисе, о современности как о кризисе, затем—о возвращении религиозности и, наконец,—о возможном обновлении христианства и о погружении надежды вглубь сердца.

Начиная с библейского откровения и возникновения христианства, мощное энергетическое ядро приводит в движение историю и не дает ей остановиться. Борис Пастернак в романе «Доктор Живаго» пишет: «Что-то сдвинулось в мире, кончилась власть количества, необходимости (это утверждение в действительности говорит о какой-то напряженности, о битве—О.К.): личность, проповедь свободы пришли ей на смену. Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной».

Отныне Царство таится в истории как сокрытый жар в недрах вулкана и порождает непрерывное обновление—если не потрясения, то по крайней мере, кризис. Устремленное к концу, за которым не будет конца, к преображению твари, христианство не может прочно утвердаться в завершенных формах, за которые его упрекал Ницше, упрекали и упрекают все неоязычники. И каждый кризис, каждый великий момент потрясения приводит ко все более яркому осознанию бытия, к новой вспышке в огнях духа еще одной из неисчислимых граней того алмаза, который есть Тело Христово.

В эпоху позднего средневековья, когда христианство было близко к тому, чтобы выродиться в преследовании еретиков и иудеев, восстали пророки духовной свободы—Симеон Новый Богослов на Востоке и Франциск Ассизский на Западе. Впрочем, выродиться христианство не могло. На Западе кесарю противостоял папа, на Востоке—монахи. В XVI веке, когда турки, взяв Константинополь, подошли к стенам Вены и Венеции, когда Реформация раздирала западное христианство, ключ духовности забил в Германии, Испании, Италии и Франции. Сама реформа католичества родилась из осады Рима германскими ландскнехтами в 1517 г.

В XVIII веке кризис эпохи Просвещения был кризисом подросткового возраста с его стремлением все подвергнуть независимой критике, все самому проверить, но и со скороспелым отрицанием. На этот кризис Восточная Европа ответила Добротолюбием, обновлением сердечной молитвы: французской энциклопедии только просвещенного рассудка, немецким энциклопедиям ночной магии противостояло великое греческое Добротолюбие—истинная энциклопедия божественного света.

Кризис модернизма

И вот, мы подошли к главному кризису, кризису модернизма, ставшему в наши дни планетарным явлением. Мне кажется, что в максимально упрощенном виде его возникновение можно охарактеризовать двумя основными чертами: взрывным развитием науки и техники и торжеством индивидуальности.

Наука и техника имеют библейское и христианское происхождение в большей степени, чем об этом принято говорить. Библия лишает космос божественности и устанавливает его собственный, присущий ему состав. Космос—это не божественный океан древних магий, не игра и не призрачная манифестация божества индуизма, это творение Бога, зеркало Его премудрости, доверенное ответственности человека.

Вероятно, стоит вспомнить и о том, что из магического космоса языческой древности демонические силы изгнали монахи, что именно они утвердили личность в ее свободе от небесных светил. Догматы неразделенной Церкви выработали антиномичное мышление, мышление напряженное, открытое, динамичное, которое и поныне остается движущей силой научного поиска. Аскеза ученого, аскеза исследователя, строгость, критический дух, все новая

и новая постановка вопросов разрушили неподвижную мечтательность традиционных обществ.

Но в итоге современное христианство бросило космос, предоставив его самому себе, в то время как в видении отцов, в видении св. Франциска Ассизского, св. Бонавентуры, великих богословов средневековой Византии он был призван к преобразению. Западные христиане были одержимы заботой об индивидуальном спасении, а на Востоке богословие божественных энергий и света осталось тайной монашества и перестало пронизывать своими лучами культуру.

Так мир был отдан непросвещенному рационализму и тем самым—воле к власти и воле к прибыли. И отсюда произошли, с одной стороны, сциентистская идеология, препарирующая вещи и лишаящая их тайны, а человека—его духовного измерения, а с другой стороны, угроза самоубийства мира из-за нарушения ритмов и границ экологического равновесия, из-за прометеевской зачарованности вседозволенностью в биоэтике, наконец, из-за того, что поставлена под вопрос жизнь на поверхности земли. Подумаем о тех вещах, которые уже стали привычными: озоновые дыры, угроза истощения полезных ископаемых, лесов и морей. Неявная формула этих глубоких деформаций состоит в том, что не задаваясь вопросами о последствиях, надо делать все, что технически и научно возможно, как будто мы обречены жить только техническим прогрессом.

Торжество индивидуальности, по крайней мере в той степени, в какой индивид является не редукцией, а зерном личности, также коренится в Библии и христианстве. Для Бога Живого, Бога Личного человек предстает как «ты», как участник диалога. За видимостью рока и греха Христос раскрыл личность.

По образу Троицы человек призван реализовать себя в общении. И конечно, закваска персонализма и свободы выработала и возвысила культуры, отмеченные воздействием христианства. Достаточно вспомнить провозглашение прав человека в конце XVIII столетия, непримиримое противостояние тоталитаризму—будь то Бонхеффера, Максимилиана Кольбе, Солженицына, Валенсы или Пореша. Однако и здесь деформации очевидны. Клонясь к закату, христианские народы согрешили против свободы, против красоты, против таинства брата, которое св. Иоанн Златоуст считал неотделимым от таинства алтаря.

С другой стороны, самодовлеющий гуманизм привел к претензии все объяснить и над всем господствовать, а провозглашение «смерти Бога» превратило гуманизм в антигуманизм. За смертью Бога последовала смерть человека, как заметил во время революции в России Николай Бердяев. Так наступила эпоха нигилизма. Помните крик безумца*: «Где Бог?—воскликнул он.—Я вам скажу—мы убили Его, вы и я. Но как мы могли это сделать, как мы могли исчерпать море? Кто дал нам губку, чтобы стереть целый горизонт? Что мы сделали, что отделили землю от ее солнца? Куда она теперь катится, есть ли еще верх и низ, не бредем ли мы сквозь бесконечное небытие, не чувствуем ли мы дыхание пустоты, не становится ли все холоднее и холоднее, не становится ли ночь все темнее и темнее?»

Нигилизм. Сначала—нигилизм теплый. Нигилизм великих идеологий, нигилизм, возвращающий к язычеству: «Земля и кровь» нацизма или секуляризированное иудео-христианское чаяние—марксизм. За ним последовал нигилизм—холодный после того как пепел Освенцима, снега Колымы, обгаренные кровью рисовые поля Камбоджи погасили опьянение тоталитаризма. Холодный нигилизм, нигилизм тех, кто потерял мужество быть, нигилизм подростков-самоубийц, нигилизм циничный, нигилизм потребительского наслаждения, грубого или тонкого, нигилизм пыток. Секс и деньги, тяжелый рок и наркотики овладевают Европой и довершают процесс распада.

Возвращение религиозности

Но невидимой основой нигилизма является небытие. Подавленная тоска разряжается в каком-то духовном неврозе и безудержном поиске предельных состояний, чтобы забыться. В этом слышится стон души, и наступает возвращение религиозности. Возвращение религиозности происходит через многообразие индивидуальных поисков, через свободу и субъективное начало в человеке. Западная цивилизация культурно открыта и проницаема, она поглощает архаические образы и мифы. В нее проникают восточные религии. Например, во Франции тибетские иммигранты основали многочисленные монастыри, из которых льется свет. Многочисленные обращения в ислам отчасти объясняются присутствием по крайней мере двух миллионов мусульман, молящихся у всех на глазах, а также и влиянием работ, которые представляют шиитскую мистику как идеал света.

Обнаружение техники погружения в себя восточных религий отвечает на потребность человека в единстве и освобождении через осознание тела и его гармонии с универсумом. Что-то вроде науки или духовного сциентизма, ностальгии по иному знанию, по некоему «веселому знанию», начиная с астрологии и кончая научным рассмотрением парапсихологии, овладела им. Это и тема реинкарнации, воспринятая на Западе как странствование одного и того же индивида от одного существования к другому, в то время как ни индуизм, ни буддизм ничему подобному не учат. Этот вариант реинкарнации кажется более понятным и менее жестким, чем традиционное представление об аде.

Так происходит переход от закрытого материализма к спиритуализму, открытому всем ветрам, всем духам. И поэтому возвращение религиозности облекается в многочисленные формы, часто сомнительные и двусмысленные. Я хотел бы сказать прежде всего о них.

Таково отвержение истории, будь то поиск убежища, ковчега, будь то откат к исчерпавшим себя историческим формам. Эта позиция сопровождается ненавистью к мифическому Западу и современности, сведенной исключительно к ее негативным сторонам. Такого рода секта выглядит как среда, авторитарная и сплоченная одновременно, извне поддерживающая разрушенных людей, которые выходят из одиночества, соединяясь в утерянном культе «хозяина». Они горды тем, что отделены, они горды тем, что числятся среди малого числа спасенных, что могут проклинать всех остальных.

Иногда религиозность деградирует в сторону изживших себя форм, которые идеализируются и превращаются неприметным образом в идеологию. Эта опасность исходит от нынешнего бунта Востока. Понятно, что не от ислама как такового, но от радикального исламизма, стремящегося силой законсервировать традиционное общество, потрясенное современным миром. Конечно, не от иудаизма как такового, но от религиозного сионизма, ничуть не менее радикального, регрессирующего от Бога пророков к неумолимому Богу завоевания Ханаана. Эти же тенденции развиваются внутри крупных христианских конфессий: неопротестантские секты, особенно в Америке, схизма лефевристов в католическом мире и все то православие, которое одеревенело в смешении духовного и культурного, то есть в национализме или религиозном мессианизме, от Белграда до некоторых монахов Афона и многочисленных русских консерваторов.

Подобные тенденции дискредитируют возвращение религиозности и усиливают кризис. Я вспоминаю директора одного крупного парижского еженедельника, который недавно сказал: «Я вернулся из Ливана. Нет ничего более отталкивающего, чем этот бог монотеистов, который оправдывает взаимную бойню». Гностическая воля к могуществу утверждается более тонко. Хорошо известно, что представляют собой продукты азиатского экспорта под названием «трансцендентальная медитация» или просто дзен, соответствующим образом поданный, чтобы

нравиться.

Для многих на Западе речь, конечно, идет просто о контроле над телом, об умиротворении и расширении сознания, о лучше прожитом воплощении, которое может найти место в христианском синтезе. Все это состоялось или почти состоялось для элементарных форм йоги и некоторых японских боевых искусств. Но если идти дальше, то можно соскользнуть в объятия видения, где божественное не более чем глубинное измерение мира, где его сущность, принятая за абсолют, не превосходит, но обостряет «я» западного человека в каком-то невероятном духовном нарциссизме.

Налицо и вторжение гностической погони за могуществом. Заявляют о себе сложные эзотерические системы, в некоторых сторонах своего возвещения даже превосходящие туманность New Age, но к которым не стоит относиться с пренебрежением. Я склонен думать о наступлении утонченного синкретизма в трансцендентальном единстве религий, начиная с метафизики Рене Генона и абсолютной структуры Раймонда Абеллио и кончая метафашизмом Юлиуса Эволы,—и это только в рамках латинского мира.

Открытое христианство

Опорой надежды может быть только радикальное обновление христианства, то, что Владимир Пореш называет «открытым христианством». Здесь я хочу лишь уточнить некоторые из интуиций, которые, как я думаю, вам уже знакомы. Во-первых, нужно, я бы сказал, рельефно явить бескорыстие—полное, ничему не служащее, но все освещающее. В обществе, где все продается и все покупается, где из всего извлекают монету, где все опошлено, в конце концов не остается ничего значительного. Равнодушие и насмешка—пена нашей цивилизации.

Симона Вейль в своей книге «Укоренение» восстает против воспитания, которое не открыто к тайне, а искусно ее обходит. Настоящее образование то, которое питает душу, ставит человека перед невыразимым. Оно учит его удивляться, оно учит его восхищаться. И это то, что, как мне кажется, должно осуществлять христианство: ставить нас перед лицом реальности, которую нужно созерцать, возвращать нас к восхищению бытием и томлению быть, тому томлению, которое само через животворящий Крест становится источником восхищения.

Нет необходимости настаивать на кризисе языка в нашем обществе. Может быть, литургическое славословие, хранимое в глубине бодрствующего сердца, в силах вернуть языку его службу любви и тайне, его способность «нарекать душу живую», вновь обрести то, о чем сказано в книге Бытия. Свидетельствовать о Воскресении через праздник, через радость и более всего через деятельное сострадание, которое есть внутренний импульс и нашего движения,—не является ли это единственным средством радикального исцеления от насмешки и равнодушия? Обличение стоит не так много—надо служить, надо созидать.

Второй момент—надо быть на уровне высшей правды.

В обществе, где техника приобрела силу рока, а произвол индивида понемногу размывает все ориентиры, Церковь—я употребляю слово «Церковь» в единственном числе—должна будить сознание. Она должна напомнить о таинстве помощи бедняку на уровне межличностных отношений и в планетарном масштабе, о тайне человеколюбия и чадолюбия. И она должна противостоять варварству технократии и напомнить современным людям, если они хотят жить вместе, что ценен каждый из них и что иудейская, греческая, христианская традиции сформировали наше чувство личности. Если смотреть глубже, то мы призваны утвердить права самой жизни. Жизнь имеет свой смысл, в глубине вещей лежит не небытие, но любовь. Любовь распятая, любовь, которая снова и снова воскресает.

Святые, и надо сказать, что их много больше, чем принято думать, часто незамеченные или даже непринимаемые, ежедневно приносят тому доказательство. Бог воплощается, Бог пребывает с нами, разделяя радость Каны, как и ужас страданий Гефсимании. Он торжествует над смертью и адом, чтобы открыть нам пути Воскресения, которые тоже часто остаются незамеченными и неожиданными. Он дает смерти, как и жизни, вкус Пасхи, Он бессмертен, и бессмертие отныне может распространиться на весь мир. Он есть неодолимое восстание жизни против смерти.

Итак, вера, полная открытость, надежда становятся благословением жизни, несмотря ни на что и, безусловно, именно этого благословения и ждет наше общество и имеет в нем настоятельную нужду. Два года назад один телережиссер, тогда еще советский, с некоторым ироничным любопытством снимал группу христиан. Среди них он заметил молодую женщину. Ее молодость и красота побудили его дать крупный план и спросить у нее: «Итак, Вы счастливы, оттого что Вы христианка?» Она ответила: «Я страдаю, как и весь мир, но христианином становятся не для того, чтобы быть счастливым, христианином становятся, чтобы быть живым».

Личность вне редукций

Третий момент—необходимо предложить обновленное восприятие Благой Вести. У христианской эпохи были и свои символы: Бог внешний, внешне всемогущий; объяснение зла как наказания Божия, как кары Божией; оправдание через единодушие, единодушие, впрочем, принудительное. Это путь тоталитарного мышления. Сегодня эти символы не срабатывают совершенно, разве что в сектах, и то, как их применяют ультратрадиционалисты, большие любители, как я уже говорил, ада для других, окончательно их дискредитирует.

Таким образом, с чего начать, если не с самого человека? С несводимости личности, как это делали русские философы. Секулярное общество о Боге молчит. Не есть ли эта странная стыдливость часто то, что отцы-аскеты называли забвением? Здесь наша позиция могла бы состоять в том, чтобы «углубить человека в экзистенцию», как говорил Кьеркегор, углубить в экзистенцию через подлинную культуру. Если говорить совсем просто—пробудить его.

В течение нескольких лет я преподавал историю в парижском лицее, и пытался, когда речь шла о XIX веке, говорить с жаром о Марксе, Ницше и Достоевском. Но я не свидетельствовал. Я был скован обязательством придерживаться рамок светского образования, и много раз случалось так, что после занятий ученики подходили ко мне, чтобы поговорить как мужчина с мужчиной, чтобы задать мне фундаментальные вопросы. Так мало-помалу нам нужно нащупывать язык, который сохраняет сдержанность, но не допускает молчания. Язык для того, чтобы сказать: Бог есть радость и свобода человека.

Другой момент—важно подчеркнуть, что Евангелие—это прежде всего Крест и Воскресение. Наш Бог—Бог воплотившийся, страдающий, Бог-Освободитель, сообщающий нам всеобъемлющее дыхание жизни. О Нем нельзя говорить иначе, чем на языке жизни, на языке порыва, на языке страстной любви. Отцы церкви (православные всегда говорят об отцах церкви) настаивали на том, что прошедший Страсти, Тот, Кто познал смерть и ад, есть сама личность Слова. В Гефсимании Бог страдает всеми нашими человеческими страданиями в их пределе. На Голгофе, когда Христос говорит: «Боже, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»—так, как будто Бог стал атеистом вместе с нами, именно в этот момент все обращается в свою противоположность.

И в этом не узнаем ли мы сегодня, в самый разгар кризиса, то, что, возможно, так глубоко еще никогда и не знали,—переворот одряхлевшего представления о Боге, за которое мы еще так

часто цепляемся? Нет более Бога самодовольного, Бога внешнего, Бога, готового нас раздавить. Но есть Бог «истощенный», по слову ап. Павла, «истощенный от любви», Бог, Который дарует Себя, как говорится в Прологе Иоанна, и Который действительно может разделить с нами нашу участь, чтобы разбить двери нашей темницы. Со времени Воплощения и Пятидесятницы мы вошли в глубочайший кризис, кризис воскресения, в котором спасение не индивидуально, не коллективно, а соборно и космично. Вот почему те, кто достигал вершин духовной жизни, не переставали молиться о всеобщем спасении, не ставили границ своей надежде, считая, что говорить об аде можно только по отношению к себе, проливая кровь своего сердца и усаживаясь за один стол с грешниками, как говорил старец Силуан и св. Тереза Младенца Иисуса, чтобы все люди спаслись.

Еще один момент состоит в том, чтобы настаивать на неразделимости двух измерений: общения и преображения. Объятые шумом и разделяющимися языками Духа, мы призваны к участию в тайне тайн, в тайне Божественной любви. Как писал Андрей Тарковский, комментируя свой фильм «Андрей Рублев», «божественный ритм любви, конкретное разделение одного в трех и тройственное единение в одном открывают захватывающую перспективу на будущее, еще теряющуюся в веках».

По образу Троицы каждый призван к тому, чтобы отдать свое собственное лицо Телу Христову, охватывающему все человечество, отдать и лицо своего языка, своей культуры, своего народа. Нужно, чтобы церковные общины стали теми центрами, откуда изливается соборность. Пусть наша жизнь разделится и пусть умножится, как преломляемый хлеб. Да не забудем мы, что на иврите слово, означающее хлеб, «лехем», также означает танец, мечту, примирение, прощение.

Это—соборность и преображение. Человек пророческого духа—это человек пробужденный и пробуждающий. От него исходит жар христианского сердца, отныне имманентный плоти мира. Будущее Царство, уже таинственно присутствующее, вырывает нас из всякого болота отчаяния и ужаса. Небесный Иерусалим грядет на землю, всю землю, но освященную горением и трудами людей, открытых Слову, людям, алчущих правды и красоты. Наша надежда—освобождение каждого человека и всех людей от рабства смерти во всех ее формах: духовной, культурной, социальной и политической тоже, ибо человек и спасение человека неразделимы.

Предвосхищая эсхатон

В свете этого нам нужно будет безбоязненно встретить те серьезные проблемы, которых христианам не удастся избежать в третьем тысячелетии. Это проблема христианского истинного знания, в частности, знания вселенной, проблема космологии. Проблема отношения к телу и к земному миру. Наконец, встреча с нехристианскими религиями. Мы предчувствуем те пути, которые мы должны приготовить, и есть те, кто их уже готовит. Это путь сознательного сердца, умного сердца и тела, воскресающего в горниле этого огненного сердца.

Этот путь идет через аскезу, переставшую быть только делом монахов, но ставшую аскезой человека-творца и человека брачного. Это путь евхаристического, Христова отношения ко вселенной. Знание созерцательное, направленное вверх, символическое, придет, чтобы осветить и дать ориентиры знанию чисто рациональному. Это путь интеграции силой Святого Духа во Грядущем Христе имманентного и трансцендентного, Себя и Другого, то есть двух духовных полусфер человечества, которые можно было бы метафорически назвать полусферой индийской и полусферой семитской.

Одновременно Дух Святой представит в ином свете, освободит от ограниченности достижения и поиски современного гуманизма. Вместе с религиями пророков, такими, как иудаизм,

возможно, и ислам, мы засвидетельствуем, что только Закон Божий делает человека человеческим, вырывает его из царства смертоносных влечений, но мы уточним, что Воплощение, Пятидесятница, откровение Троицы ведут личность к абсолютному совершенству так, что этика закона должна раскрыться в этике творческой любви.

Мы последуем за исламской мистикой в ее восхищении перед неприступным, за мистикой Индии в ее настойчивом самоуглублении, но мы уточним, что сверх угасания ради утверждения Единого, сверх растворения индивидуума в океане света раскрывается бездна Бога Живого—«Авва, Отче»,—Бога Живого, Который ищет слияния без растворения, в Котором само единство возносит ради вечно обновляющейся любви творение в его инаковости Творцу.

Мы пойдем дальше Ницше, который незадолго до того, как впасть в безумие, мечтал: «За пределами льда, севера, смерти—наша жизнь, наше счастье». Дальше—потому что Воскресение Христово ломает ледящую, дышащую севером стену смерти. Потому что Животворящий Дух действительно торжествует над духом придавленности, несет нам настоящую легкость, истинную радость, пространство, в котором можно быть преданным земле, потому что земля стала таинством.

Мы пойдем дальше Маркса и неолиберализма, потому что смысл Богочеловечества один может быть основанием того понятия о человеке и обществе, которое не забывает также о духовном измерении человека, которое помнит об экономических и социальных корнях, но еще более помнит о его непосредственной укорененности в Небесном Отечестве.

Мы пойдем дальше Фрейда, ибо истина желания состоит в том, чтобы опровергнуть смерть, и только ожидаемое и наступающее воскресение открывает желанию бесконечность, только оно вырывает нас из этого культа смерти, который преследует западную культуру, в конечном счете—и мысль самого Фрейда.

И пойдем дальше New Age, о котором я говорил выше, свидетельствуя о Христе, о Котором я сказал бы, что Он тео-антропо-космичен, что Он объединяет полноту Божества, полноту человека и полноту космоса в сиянии энергий Святого Духа, Дыхания Животворящего.

В этой брани мы готовим эсхатон, мы живем им раньше, чем он наступил, в символах, творениях и событиях цивилизации надежды. Здесь вырисовываются две основные задачи: дать возможность культурам третьего мира обуздать мир вещей и полностью осознать статус личности, не теряя своей самобытности в антикультуре индивидуализма и машинной лихорадки. С другой стороны, не надо препятствовать западному поиску, но оплодотворить его, расширить его поле через духовную интуицию, через безусловное уважение личностного начала, через видение природы, вдохновленное «Песнями твари» Франциска Ассизского или «созерцанием природы в Боге» в православной духовности.

Поэтому нам предстоит призвать, целиком сохраняя открытость гуманизма, к приоритету этики над техникой, личности над вещами, поэзии над политикой. Говоря кратко, призвать к творческой духовности, которая чем больше погружается в Бога, тем более способна преобразить самые основы общества и культуры.

Надежда—присутствие в ожидании

Итак, последнее, о чем я хотел бы напомнить—не призваны ли мы погружать надежду в глубину сердца для того, чтобы в нашем служении явить ее вовне? Из терпения, но терпения творческого, рождается надежда, которая с этого момента его поддерживает и укрепляет. Мы живем ожиданием пришествия Бога, надеждой на возвращение каждой вещи к ее жизни в Боге,

ставшем человеком, ожиданием Царства, которое «внутри нас есть» и которое притягивает нас подобно магниту. Потому можно назвать надежду видением грядущего как уже наступившего—так, как говорил о ней св. Павел.

Вера тоже касается вещей, как говорит апостол, которым еще только предстоит наступить, но она еще не обеспечивает верующему участие в реальностях, тогда как надежда таинственно убеждает нас в этом участии. Надежда есть как бы углубление веры, созревание веры, откровение проницаемости времен, концентрация веры до степени очевидности того, что мы видим гадательно.

Грядущий, Христос Прославленный, Царство—все это уже таинственно присутствует в Церкви как тайна, как парусия, парусия, которая означает одновременно ожидание и присутствие в Духе Святом Того, Кто грядет. Основное измерение в надежде—присутствие в ожидании, «уже» и «еще не».

Царство, которого мы чаем, уже таинственно присутствует. Оно действует, оно ведет подкоп, если можно так выразиться, под временем, оно его минировать изнутри. Надежда пробивает каким-то образом путь сквозь время к тому событию, которое уже произошло, к грядущему, которое будет полным откровением этого события, сквозь времена, или точнее, сквозь саму толщу времени, как слышно разносящиеся в дымке звуки пасхальных колоколов.

Надежда, как и тревога, толкает человека вперед, к будущему, но совершенно иначе. В тревоге кроется будущее, несущее страх, от которого хочется отгородиться, но о котором человек знает, что отгородиться от него никак невозможно. Надежда открывает будущее, в котором раскрывается таинственное присутствие, делающее нас своими участниками. Она вызывает в нас доверие и приносит утешение.

В душе не могут сосуществовать тревога и надежда, но через веру, смирение, молитву, в служении тревога превращается в надежду. Тревога и надежда соединены в одной теме, теме будущего. Для тревоги будущее только имманентно, оно—в тисках необходимости. В истории Ирода и Пилата, в истории избиения младенцев оно подобно бездне и, в конечном счете, оно—смерть и небытие.

Для надежды мое будущее—Христос, и Он уже пришел. Он грядет, чтобы явить Себя в славе и силе. Он дает возможность мне лично и всем нам вместе—и в этом все та же тайна Церкви—превратить любую ситуацию смерти в ситуацию воскресения. И это история блаженных, это история общения святых, в добродетелях которых, по словам одного раннего богослова, прорастает понемногу лик грядущего Христа.

Насколько надежда питается доверием, настолько тревога питается неуверенностью и затравленным бегством перед лицом пустоты. Безусловно, беспокойство есть и в надежде, но оно проницаемо, подвижно, способно слышать, не вызывает удушья в противоположность неуверенности тревоги. Оно есть просто необходимое внимание к тому, чтобы не забыть и не потерять руку Христа, Который во мраке вырывает меня, вырывает нас из смерти и ада.

Один древний аскет, монах Марк, говорил: «Сердце, в котором живет Христос, не может открыться иначе как через надежду, которая объемлет все». Когда открывается глубина сердца, то оно бывает захвачено надеждой, тогда приходит мир, тот мир, который дает Христос, который не от мира сего. Это о нем говорил святой Серафим Саровский: «Стяжи дух мирен—и многие вокруг спасутся».

Надежда приходит к нам, когда наше отчаяние не замыкается на самого себя, но

распахивается навстречу Тому, Кто сораспинается с нами, чтобы открыть нам в Себе, в Духе Святом, пути воскресения. Когда сердце раскрывается, когда сердце каменное становится сердцем плотным, тревога, отчаяние, безнадежность исчезают понемногу по мере того, как размягчается ожесточенное сердце, корка, которая прятала наше истинное сердце. Отныне нет более идеологий, умозрений, и прежде всего умозрений богословских, которые мы принимали всерьез. Отныне есть люди. За игрой масок и страстей мы обнаруживаем, что они есть.

Перевод с французского Алексея Костромина

Архиепископ Пражский Сергей (Королев): О подвиге общения

Богословие и философия

Архиепископ Пражский Сергей (1881-1952 гг.)—один из выдающихся архипастырей русской эмиграции. Записи бесед владыки Сергея были изданы к тридцатилетию со дня его кончины. См.: О подвиге общения. Нью-Йорк, Путь жизни, 1981, с. 12-27, а также ЖМП, 1983, № 3.

ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ есть хождение во свете. За серостью нашей жизни мы не видим и не сознаем себя в полноте нашей миссии на земле, в полноте данных нам от Бога дарований, не сознаем даже самих себя. Дарования нашей души остаются у нас неиспользованными. Мы кажемся себе никчемными и других считаем такими же, меряя их по себе, и говорим: «Мы—маленькие люди, обыкновенные. Где уж нам что-либо сделать! Только бы кусок хлеба заработать». Это умаление себя часто ослабляет нашу волю к действию, между тем, как мы ни малы и слабы, каждый из нас имеет свою миссию. Каждый человек в мире имеет свое назначение, является посланником Божиим на земле. Для Господа нужна каждая душа, и каждый ответствен за свою жизнь и не избавлен от ответственности за других. Не в малости нашей дело, а в нежелании взять на себя ответственность. Мы часто говорим: «Это не мое дело—пусть уж другие стараются. Моя хата с краю». Такими словами мы перекаладываем свою ответственность на других. Перекаладывая же ответственность на другого, мы как бы тем самым перекаладываем и вину тоже на другого, отчего возникает осуждение, которое ведет к разделению. Общаясь друг с другом, мы можем раскрыть себя или в худшую, или в лучшую сторону. К сожалению, мы обычно не вскрываем света и добра, в нас обретающихся. Мы часто сами не знаем ценностей нашей души, и от этого ложится на душу некоторое помрачение. Ведь для выполнения нами своего назначения, для раскрытия нас самих надо, чтобы открылись наши внутренние очи: только тогда мы увидим в душе те ценности, которые закрыты от нашего внутреннего ока. Надо самим открывать в себе эти ценности и помогать другим раскрывать их. Особенно надо подчеркнуть значение последнего: помогая другим открыть себя, мы сами открываемся себе в своей глубине. Этим именно и полезно общение с другими людьми: оно является для нас школой нашего спасения, школой нашего духовного напряжения. Избегать общения с людьми для христианина не всегда полезно. В одиночестве человек становится почти всегда беден. Чем больше он будет отделяться от людей, тем более он будет сам беднеть. Живя в одиночку, мы как бы отрезаем себя от общей жизни, от жизни целого организма и в этой самости засыхаем, так как не питаемся тогда соками общей жизни. Через общение же с людьми происходит извлечение нераскрытых сил человека: через соприкосновение сродных начал силы эти приходят в движение. Общение с людьми обогащает таким образом нашу душу, она расцветает через полноту нашего сближения с другими людьми. Каждый человек индивидуален, он может восполнить в себе недостающее через общение с целым организмом

человечества. Люди—цветы Божии. И надо, как пчела, уметь собирать мед с этих цветов, обогащать себя индивидуальностью других и свою индивидуальность раскрывать для других. Иногда общение нам бывает трудно, но мы призваны к общей жизни, и общение с людьми есть поэтому христианский долг. Человек, общаясь с другими и творчески преодолевая разделение, раскрывает свои ценности, обогащается сам и тем самым обогащает других. Каждая ведь встреча может дать нам очень много. Если быть внимательным к окружающим нас людям, то непременно унесешь богатство, отыщешь ценности—свет и добро. В каждом человеке есть прекрасное, и только наша греховность не позволяет нам видеть это. Обычно мы только внешне прикасаемся друг к другу и не даем себе труда добраться до подлинной сущности человека. Мы не раскрываем человека с душевной стороны во всей его полноте. Мы встречаемся с Иваном, Петром, Марьей, Дарьей и, в большинстве случаев, расцениваем их неправильно, рассматривая их чисто внешне. Мы говорим: «Тот симпатичный, а этот нет». Часто, видя какие-нибудь недостатки человека, мы сторонимся его, понимая то, что не существенно для него, за его истинную действительность и, не пытаясь даже добраться до сущности, осуждаем его, чем отделяемся друг от друга, не пытаясь преодолеть то, что разделяет нас. Мы привыкли общаться с людьми нам приятными, когда в нас есть естественное расположение друг к другу. Встречая же малейшее препятствие при общении, мы не употребляем воли для преодоления его. Поговорить с человеком, к которому имеешь предубеждение, нам очень трудно, но именно это затруднение нам и надо преодолеть. Господь хочет собрать нас воедино, лукавый же старается отделить нас друг от друга. Через преодоление разделения мы опознаем друг в друге то единое, что у нас от Бога, что составляет нашу силу, что дает нам благо жизни—благобытие. Грех разделил весь род человеческий. При победе в себе греха люди взаимно приближаются, так как возвращаются к изначальному своему состоянию общности человеческой природы—единого организма. Грех же обкрадывает человека. Не преодолевая того, что нас разделяет, мы видим не подлинную жизнь каждого человека, а личину его, которую мы неправильно принимаем за действительность. Наша разделенность, наша самость искажает нашу жизнь. Нередко мы должны для общения с людьми побороть в себе некое неприятное чувство, пересилить себя, совершить некоторый подвиг, побороть свою неприязнь, что является уже доброделием или добродетелью. В самом деле, это есть наша задача каждого дня для каждого из нас. Общительность есть дарование Божие, а из необщительного себя сделать общительным ради пополнения своей скудости есть подвиг. Иногда мы видим, что в рядовых людях вдруг открываются необыкновенные ценности при каких-нибудь чрезвычайных событиях, как, например, война или какое-нибудь иное бедствие. Зачем же ждать этих чрезвычайных событий, чтобы узреть добро в человеке? Относясь творчески к жизни, мы всегда можем его выявить, надо только постараться выйти из инертности и преодолеть разделение. Преодолевая это разделение между людьми, люди начинают ощущать единство жизни, которое дает им благо, несет радость, блаженство. Через преодоление разделенности мы как бы входим внутрь друг друга, примером чего может служить дружба. Про таких людей говорят: «Они живут душа в душу». Только через преодоление того, что разделяет нас, является перед нами полнота жизни. Нам обычно кажется, что наши встречи с людьми случайны. Конечно, это не так. Господь ставит нас друг около друга в семье, в обществе, чтобы мы один от другого обогащались, чтобы, прикасаясь друг к другу, люди трением возжигали блески света. Господь говорит: «Вот тебе задача. Я поставил тебя с тем или иным человеком. У тебя в сердце есть талант, которым Я наградил тебя, раскрой его». Господь, посылая каждую душу в жизнь, оделяет ее каким-либо талантом и дает ей арену для действия, для расцвета ее духовной жизни. И поскольку каждый человек духовно неповторим, то если его духовное богатство не будет выявлено, это будет смерть духовная, исчезновение света Божия в данной точке бытия. Поэтому каждый должен заботиться о своем духовном мире, чтобы дать свету Божию в нем засиять, а не исчезнуть. Отчего не хотим мы, как бы медлим использовать силы, которые находятся в нас? Через борьбу с грехом в нас самих мы освобождаем начала добра в себе и этим можем сами творить новую

жизнь, сокращать зло на земле, сокращая прежде всего зло в самих себе. Малейшее усилие с нашей стороны разряжает нашу инертность, пробуждает дремлющее в нас добро и выявляет его. Каждому даны свои таланты. Каждого Господь спросит: «Почему ты не сделал того, что должен был сделать?» Задача каждого в своей жизни раскрыть и умножить талант, данный ему Богом. Обыкновенно говорят: «У меня нет никаких талантов», имея в виду талант ученых, художников, общественных деятелей... Но гораздо важнее таланты сердца, которыми Господь наделил каждого человека, как, например, приветливость, чуткость, сострадательность. Раскрытие этих талантов как природных свойств нашей души в наших руках: эти наши таланты, конечно, раскрываются лишь через живое общение с людьми. Мы и должны поэтому научиться извлекать ценности своей души через близость к тем людям, с которыми нас поставил в жизни Господь. Мы вообще ведь соединены различными нитями друг с другом, и нам надо через эти нити создавать общность и единство в нашей жизни. Наша задача в жизни может быть сформулирована как искание общности в жизни с людьми, с которыми мы связаны. Больно сознавать, что много людей жалуются на одиночество. Обособленность от других действительно угнетает человека, а единение, наоборот, дает бодрость, так как человек чувствует, что он в мире не затерян. Единение между людьми есть нить, переброшенная от земли к небу, к Богу, к Единящему центру. Единство, исходящее от сердца одного к сердцу другого, имеет в себе направление к единому центру—к Богу, ибо единение между людьми и есть жизнь, разделение же есть смерть. Единение между людьми несет нам благо, которое дает нам радость жизни. Это есть закон жизни, отступая от которого люди должны страдать неминуемо. Мы все созданы по образу Божию. И это значит, что образ Божий и есть то, что нас единит. Сближаясь, можно постепенно достигнуть единомыслия, единогодушия, единоволлия—того единства, о котором Христос сказал: «Яко же Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут» (Ин 17: 21). А мы даже не считаем долгом искать в серости людской жизни того, что у нас от Бога, что на самом деле могло бы нас сблизить. Разделенность мы принимаем за подлинное бытие и не употребляем усилия, чтобы преодолеть эту разделенность. А состояние разделенности лишает нас возможности находить радость в повседневной жизни, мешает нам раскрыться и выявить свои ценности. Мы все ждем радости извне, а того, что есть в нас самих, мы не замечаем. Поэтому мы и окутаны тьмой—и внутри, и вовне. В каждом сердце нужно искать клад. Клады ищут часто, но не душевные, а надо искать душевный клад. Могут спросить: «Зачем?» Ответим: «Чтобы обогатиться». Мы видим в людях только внешнее и берем от них внешнее и не замечаем клада, лежащего в каждом, не ищем этого клада. Надо искать талант сердца—этот клад есть источник блага. Но как это сделать? Для этого нужно напряжение и труд. Без труда, говорят, и рыбку не вынешь из пруда. Если и великие таланты, получив дар от Бога, должны трудиться, чтобы был соответствующий плод, то тем более это верно для обыкновенных людей. Подходя к человеку, будем вглядываться в его сердце, которое есть центр человека. Христос сказал, что все исходит из человеческого сердца: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое» (Лк 6: 45). Доброта сердца есть дар Божий. Ее можно удесятерить, на доброте сердца легче построить добродетель. Иоанн Златоуст говорит: «Не в том чудеса, что делаем великие дела, а чудо то, когда злой превращается в доброго», ибо тогда побеждаются уставы естества, совлекается ветхий человек и создается новая тварь через борьбу с грехом. Борясь с грехом, человек совершенствуется, т. е. становится тем, что его роднит с Богом. Человек, побеждая грех в себе, открывает этим лучшие стороны своей души, чем в то же время вскрывает и в другом человеке клад, о существовании которого тот и сам даже не подозревал. При грехе человек как бы боится другого человека, не ступает радостно по земле. Он думает про себя, как бы ему не встретиться с тем или иным человеком... Побеждая же грех, человек подходит легко к другому человеку и заражает его добром. Господь прижимает нас друг к другу, как, например, в изгнании, а мы не сближаемся, не ищем божеского друг в друге, а только все ссоримся и отделяемся друг от друга. Мы не раскрываем своего капитала, тогда как этот капитал, раскрытый через общение, своим единством может

приблизиться к единству ума, воли и чувства. Это клад душевный, обретение которого прекратило бы наше разделение. Найдя этот клад, мы будем черпать из него силы для жизни. Если этого не сделаем, Господь посетит нас, как смоковницу бесплодную. Когда мы пребываем в добром общении с людьми, мы освещаемся искорками света, уносим с собой что-то невидимое, чем и живем. Господь посылает нас в мир, чтобы выявить свои богатства. Если мы по крупинкам соберем открытое нам добро и свет, то и это уже будет много. Если будем собирать крупинки света, то в этой атмосфере пропитаемся и сами светом, и тогда произойдет воспламенение нашего окаменевшего сердца. Отыскивание этого света и есть процесс нашего спасения. Здесь важен уже процесс самого искания, так как это уже есть момент духовного просветления: красота искомого тогда наполняет красотой нашу душу. Вот пришла благая мысль отыскать клад в своей душе, и в поисках его мы неминуемо будем выдергивать плевелы из своего сердца. Момент исторжения греховных терний из нашего сердца и очищение его и дает нам ощущение подлинного блага, дает нам радость жизни. Это благо есть ступень к обители лицезрения Бога, момент нашего духовного роста—блаженство. Сказано: «Чистые сердцем Бога узрят» (Мф 5: 8). Такими отдельными моментами человек как бы вдвигается в вечность, утверждает себя в вечности, уготовляя себе уголок в обители, которая есть свет, идущий от Света светов. Когда в общении с людьми возникают затруднения, когда лукавый производит бурю в нашем сердце, и там водворяется темнота, надо обращаться за помощью к Богу, призывая Его имя мысленно. Это есть момент духовный. Вот человек одержим некоей страстью, он движется как бы механически и может, находясь в темноте, наговорить много глупостей, которые внесут неминуемое разделение. Надо скорей хвататься за то, что внесет свет во тьму, т. е. за Господа. Обращенностью к Богу, этим творческим актом, человек призывает свет, и этот свет от Бога идет в его сердце, т. е. Сам Господь нисходит в сердце и Своим присутствием все там освещает и начинает там царить. Этим обращением к Богу, творческим словом к Воплотившемуся Слову, собирается свет и начинается парение Божие, которое уничтожает разделение. Тогда в сердце обитает Бог. Тогда тьма преодолевается и это преодоление вводит нас в иную область бытия—новую радостную жизнь.

Александр Копировский: Аскетические традиции в древних восточных церквах

История церкви

ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЕ СПОРЫ V века, получившие разрешение на III (Эфесском, 431 г.) и особенно IV (Халкидонском, 451 г.) Вселенских Соборах, как известно, раскололи христиан Востока. Среди непринявших постановления этих Соборов оказались прежде всего восточные сирийцы - несториане и монофизиты, а также западные сирийцы, армяне и копты, образовавшие так называемые «дохалкидонские» церкви*.

* Сирийских и коптских последователей дохалкидонских церквей называют еще иаковитами (яковитами) по имени знаменитого монофизитского проповедника VI века Иакова Бурдаеи (Барадея).

Подвижничество в древних восточных церквах основано на общих для всего христианского мира аскетических принципах. Но в нем ярко выразились как этнические и культурные особенности народов этого региона, так и крайности тех учений, которые в свое время отделили их от вселенского православного единства, - несторианства и монофизитства.

Монахи-несториане ведут свое начало от Евгения, современника Нестория. Перед тем, как Евгений основал свой монастырь в Сирии, близ Нисибии, он подвизался в египетских обителях. Поэтому аскетическое направление сирийско-месопотамского несторианского монашества первоначально основывалось на строгом молитвенном подвиге по образцу египетских монастырей [1, с. 30]. Монахи участвовали во всех дневных службах. Пищу принимали два раза в день – в полдень и при закате солнца, причем мясо исключалось, а вино употребляли только в случае болезни. Одежду носили лишь двух видов: грубую шерстяную зимой и льняную летом. Спали на голой земле, не раздеваясь. Постель делали только для больных. Монастыри, основанные учениками Евгения, были также и центрами миссионерства в языческие страны. Но рационалистический дух несторианства не способствовал усилению аскетического энтузиазма. Из учения Нестория, видевшего лишь связь, а не единение божественной и человеческой природы во Христе, логически вытекала невозможность постоянного обитания Бога в человеке, что снимало саму задачу аскетизма. Ко второй половине VI века несторианское монашество заметно поредело, утратило свое влияние и было реформировано по менее строгому, общежительному, принципу. Это сделал Авраам Великий (Кашкарский). Его монашеские правила были составлены по образцу устава св. Пахомия (чередование чтения и молитвы, труда и развлечений, также сильно смягченного) [2, с. 272–276]. Однако решающего влияния на укрепление монашества не оказали и эти правила, тем более что они не были обязательными – за нарушение их не устанавливалось никаких наказаний (епитимий). Авраам лишь советовал поступать с нарушителями по евангельской заповеди – Мф 18: 15–17, т. е. отвращаться от невнимающих обличениям. Ряды и реформированного монашества продолжали редеть.

Наконец, в XIV веке митрополит Нисибийский Абедиеза соборно позволил монахам брак. Принятие монашеских обетов несториан прекратилось. Перестали существовать и монастыри. Существуют лишь отдельные подвижники, избравшие уединенную жизнь по собственному почину [1, с. 31]. Монофизитское учение, ставившее человеческую природу Христа в подчиненное положение к божественной, наоборот, предполагало самую суровую аскезу по отношению к плоти как единственную возможность человеческого служения Богу. Было распространено отшельничество. Но и в общежительных монастырях образ жизни был до фанатизма строгим. Так, в монастыре Иоанна Амидского, одном из крупнейших, жизнь монахов проходила главным образом в молитве – общей и частной. Общее богослужение совершалось от первого часа утра до второго часа ночи. Все буквально соперничали друг с другом в бдении. Одни опирались на жезлы, другие на стену, третьи подвязывали себя под мышки веревками, наконец, юные и старые сидели, но не уходили.

В монастырях многие монахи жили на положении келиотов. Это означало столпничество или затворничество внутри отдельного монастыря. Аскеза келиотов была предельно строга: некоторые спали по два часа в сутки, носили вериги, пищу их составляли хлеб, вода и бобы, иногда овощи. Промежутки времени между едой доходили до нескольких суток. Напряженным был их молитвенный подвиг: инок Фома, живший в монастыре Иоанна Амидского на положении келиота, по свидетельству случайно видевшего это Иоанна Ефесского, молился всю ночь непрерывно. Всякий раз, произнося 30 молитв, он клал поклон, а поклонов таких было сделано 500. Но и при этом возделенным идеалом для иноков оставалась пустыня.

«Почему ты печален, отче, – спросил Иоанн Ефесский келиота Мар Фому, – разве ты живешь не в монастыре, а в миру? Вот предоставлено тебе поститься, молиться и служить Богу, сколько хочешь... У тебя была келия в пустыне? Вот и здесь келия, делай в ней, что хочешь». Тот, поглядев с удивлением, сказал: «Разве может раб служить двум господам? И может ли человек быть в общении и с Богом, и с людьми? Если кто занимается знакомыми и сродниками по плоти, может ли он одновременно заниматься вещами духовными?» [2, с. 216–217].

С течением времени первоначально очень распространенные у сирийских монофизитов крайние формы аскетизма, фанатические и даже уродливые, вытеснялись более умеренными, близкими по строю к православному монашеству. Этот процесс происходил на фоне постепенного сближения с православными и в области догматики.

С XIII века большинство монофизитских монастырей Сирии жило по киновиальным правилам св. Василия Великого. Количество затворников в монастырях значительно уменьшилось, а столпничество и отшельничество исчезли совсем. Православным исследователям конца XIX века аскетизм монахов-монофизитов уже не представляется чрезмерным [3, с. 695–696]. В армянской церкви вначале наиболее распространенным было суровое аскетическое направление «босков» – «пасущихся» (т.е. питающихся только дикорастущей зеленью). Упомянутые в IV веке, в эпоху св. Григория Просветителя Армении, «монастыри» – это именно боски, живущие на сравнительно небольшом пространстве вокруг какой-либо особенно уважаемой церкви, а не монастыри в обычном понимании.

Почти одновременно пришел в Армению и египетский устав св. Пахомия. Но католикос Нерсес I предпочел ему более развернутый и обоснованный общежительный устав св. Василия Великого, полностью вытеснивший в дальнейшем устав св. Пахомия.

В X–XIII веках было построено много крупных монастырей (Татев, Санаин, Ахпат, Гегард и другие), все – с уставом св. Василия [10, с. 181–182]. Именно в это время наблюдался расцвет монашества в Армении, связанного с традиционной строгой аскезой. Монахи Хладцорского монастыря, например, во все дни Великого поста устанавливали для себя сухоядение и вкушали пищу раз в день, утоляя жажду простой водой только в субботние и воскресные дни. Очевидцы свидетельствуют, что эти иноки украшались смирением. Их объединял настоятель высокой духовной жизни отец Барсех (Василий), который, подобно апостолу, был «всем для всех» [11, с. 120]. Монастыри славились своими школами, где изучались богословие, философия, математика, космография, и богатыми библиотеками (до 10 тыс. рукописей).

Тяготение к строгим дисциплинарным формам аскезы с особой силой снова проявилось в Армении в XVII веке, но уже как реакция на упадок традиционного монашества. Восстановление их иногда происходило даже силой в результате народных волнений *. Епископ Саркис и монах Киракос ввели в это время новый для Армении скитский устав по образцу греческих монастырей Палестины. Однако и самая детальная регламентация всех сторон жизни подвижников, вплоть до формы монашеской одежды по чину каждого [4, с. 273–275], могла лишь на время упорядочить жизнь монашества. Для того же, чтобы обеспечить долговременные результаты, внешние меры были недостаточны. Поэтому аскетическое возрождение XVII века в Армении оказалось недолгим.

* В одной из областей некто Мехлу призвал избивать безнравственных монахов. Сам он носил волосяные одежды с двумя острыми железными гвоздями против сердца, которые показывал всем, говоря: «Вот как должны одеваться монахи» (4, с. 271).

В настоящее время армянские монастыри руководствуются правилами св. Василия Великого, но монашеских обетов их насельники уже не дают. Монастыри фактически стали общинами целибатного духовенства, готовящими для общецерковного служения проповедников и иерархов.

Коптские монахи-иаковиты унаследовали формы строгого подвижничества великих египетских аскетов свв. Антония и Макария. На протяжении веков коптские монастыри не знали

общежитии – у каждого инока была своя хижина-келья. В монастырь принимались люди всех возрастов, даже 15-16-летние. Желая стать монахом выдерживал трехлетнее испытание. Главным направлением духовной жизни иноков был молитвенный подвиг. Элементы быта сводились к минимуму: спали монахи на голой земле, не снимая одежды, пищей служили овощи (но поскольку основным средством содержания монастырей было подаяние и монахи часто странствовали, вне монастыря им разрешалось есть все предлагаемое). Если у монастырей были свои земли, они не обрабатывались, а сдавались в аренду, чтобы не отвлекать иноков от «единого на потребу». Но в некоторых коптских монастырях уже в IV-V веках существовала четкая деловая организация, позволявшая в трудные времена не только содержать обители, но и принимать в их стенах нуждающихся в помощи мирян.

Такое сочетание созерцания и деятельности [6] возрождается в современном коптском монашестве, которое сейчас находится в состоянии духовного подъема, постоянно возрастает в численности и оживляет древние монастыри.

Одним из обновленных монастырей стала обитель, созданная еще в 360 г. в Нитрийской пустыне преп. Макарием Великим. Монастырь с тех пор никогда не пустовал. В 1969 г. к его насельникам прибавилось, по благословию патриарха, еще 12 иноков, ранее подвизавшихся в пустыне Райан в 150 км юго-западнее Каира, где они жили в пещерах при крайней скудости пищи и питья (воду доставляли на верблюдах за два дня пути) и подвергались вооруженным нападениям бедуинов.

Отшельники Райанской пустыни стали ядром новой монашеской общины, которая за 10 лет выросла до 80 человек, а их руководитель о. Матта эль-Мескин ("Матфей – бедняк") – духовным отцом братии. Как и во дни преп. Макария Великого, монастырь не имеет определенного и записанного устава. Нет в нем и внешнего обязательного послушания, иерархических различий и дисциплинарных канонов. Отношения братьев просты и почтительны, построены исключительно на взаимной любви и доверии друг ко другу. Особенно нежную и преданную любовь питают все иноки к своему духовному отцу, который, имея большой духовной опыт подвижничества, воспитывает учеников в верности древним аскетическим идеалам великих отцов Египта – подлинной духовной свободе, предельной искренности и постоянному богоисканию. Роль духовного отца, как считает авва Матта, заключается в том, чтобы помочь новонаначальному обрести свое место перед лицом Божиим, найти свой духовный путь и привязаться к Господу всем сердцем? именно к Господу, а не к духовнику. Как только о. Матта замечает, что инок обретает этот путь, он предоставляет его благодатному водительству, помогая и поправляя лишь в меру необходимости. Чрезмерную привязанность к себе лично он «излечивает», запрещая брату на месяц показываться себе на глаза.

Монахи ведут своеобразный дневник, в котором анализируют свои помыслы и поступки – это тоже должно научить их духовной самостоятельности. Авва читает дневник и делает на полях замечания, дает советы. Обязательных епитимий не существует. Если согрешивший сам просит о наказании, оно предоставляется его выбору, авва только отвечает на вопрос: довольно этой епитимьи или нет. Сообразуясь с личными особенностями каждого, духовник благословляет различные образ и время келейной молитвы, частоту участия в церковной молитве в будни (посещение богослужений в монастыре тоже только добровольное). По благословию духовника любой из иноков может на время удалиться в затвор.

Хотя о. Матта и отказался от официального игуменства, предоставив другому старцу первенство чести, он остается вдохновителем и руководителем хозяйственной деятельности монастыря. Большинство нынешних монахов – молодые люди с университетским образованием, хорошо знакомые с современными научными и техническими достижениями. Все они находят применение своим способностям и знаниям в обширной, разнообразной практической и

научной деятельности монастыря. Монастырь расширен и заново отстроен ими, постройки отличаются удивительным удобством и изяществом. Монахи живут в просторных, хорошо проветриваемых двухкомнатных кельях с балконом и душевой. Сельскохозяйственные успехи монастыря граничат с чудом благодаря христианскому отношению к труду, а также изобретательности и технической оснащенности.

Важное значение имеет просветительская деятельность монастыря. Для паломников постоянно проводятся устные беседы, в типографии монастыря ежемесячно печатается журнал «Св. Марк», в котором часто публикуются и труды духовника – о. Матты (он автор 50 крупных печатных работ и сотни статей). Детей сельскохозяйственных рабочих монахи обучают общеобразовательным предметам, основам трудовой и технической подготовки, а детям христиан дают и религиозное воспитание.

Сами монахи постоянно изучают и классические аскетические памятники, и современную богословскую литературу, в частности, духовное наследие христиан других конфессий. Особый интерес проявляют к православию – как к его древним традициям, так и к русской религиозной философии XX века.

По образцу Нитрийской обители предполагается восстановление и других древних монастырей Коптской церкви.

Аскетические традиции Египта стали истоками подвижничества для Эфиопии, принявшей христианство в IV веке от коптских проповедников [12, с. 91]. Монастыри располагались в основном в труднодоступных горах (отсюда в названии большинства обителей слово «дебре» – гора). Общежительный устав первого из них – Дебре-Дамо – был полностью скопирован с Пахомиева [8, с. 91]. В таких монастырях практиковалось чередование труда и молитвы, но с преобладанием труда. Занятые в храме или в совете ели только один раз в день (работающие – два раза), а неработающим без уважительной причины не давали есть вообще [8, с. 102]. С середины XIII века духовное делание стало включать в себя переписку книг. Эфиопские монастыри, основанные в это время, в отличие от древних, стали образовательными и культурными центрами [7, с. 9-11].

Особо важное место занимало отшельничество. Отшельники посвящали себя уединенной молитве со строжайшим постом – хлеб ели раз в неделю. Причащались лишь один раз в год. Некоторые отшельники носили вериги, но и сама их одежда ("мак") из овечьей шерсти – соответствовала веригам, так как вызвала язвы на теле. Кельи отшельников ставились вокруг монастырей – наподобие передовой цепи войска. Самым распространенным было скитское монашество. Акцент в нем, как и у коптов, делался на индивидуальном духовном подвиге. Даже частое участие в общем богослужении, особенно в литургии, считалось отклонением от нормы. Эта форма подвижничества предоставляет монаху полную самостоятельность в устройстве своей внешней и внутренней жизни. Но, несмотря на неизбежные при такой свободе злоупотребления, в целом для эфиопского иночества характерно стремление к самой строгой жизни. Так, даже сан архимандрита у них означает не начальствование в монастыре, а более высокую степень подвижничества, связанную с произнесением новых обетов, и поэтому дается любому желающему. Есть и звание выше архимандрита – «курена». Монашеский постриг буквально уподобляет постригаемого покойнику: его закутывают в пелены, кладут во гроб и в течение двух часов читают над ним Псалтирь. Постриг принимает далеко не каждый подвижник из живущих в монастыре (хотя они и не отличаются от постриженных образом жизни). Кроме того, в Эфиопии было и есть множество людей, ведущих монашескую жизнь в миру. Приняв постриг от какого-нибудь старца, такой подвижник, оставаясь в своем доме и в своей одежде, меняет лишь образ жизни. При невозможности его продолжать монах снова становится мирянином. Такие переходы для эфиопов не затруднительны и не считаются

предосудительными.

Разумеется, монашеский подвиг всегда воспринимается как исключительная возможность богопознания. Чин пострижения включал, например, такую молитву: «Господь наш вседержавный,... отринь мирские помыслы и желания от раба Твоего, который пришел искать Твоего Божества через монашество...» [8, с. 94].

Монашество и в современной Эфиопии очень распространено (835 монастырей и около 100 000 монахов). Оно имеет огромное влияние на народ, который обращается в обители за помощью во всех затруднительных случаях жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров Л., свящ. Восточные христианские общества. Спб., 1869.
2. Анатолий, иеромонах. Исторический очерк сирийского монашества до половины VI века. Казань, 1911.
3. Сирийские яковиты. Сообщения Православного Палестинского общества. 1896, декабрь.
4. Аннинский А. История армянской церкви. Кишинев, 1900.
5. Орманиани М. Армянская церковь. М., 1913.
6. Августин (Никитин), архимандрит. Коптская церковь сегодня. ЛДА, 1983.
7. Заболоцкий Н.А., проф. Древние Восточные церкви. ЛДА, 1974.
8. Гебре, Михаэль Иольдеруфаэль. История монашества и монастырей в Эфиопии. Кандидатское сочинение, ЛДА, 1975.
9. Софония, епископ. Современный быт и литургия иаковитов и несториан и о церкви армянской. Спб., 1876.
10. Аркелян Б., Иоаннисян И. История армянского народа. Ереван, 1951.
11. Всеобщая история Степаноса Таронского по прозвищу Асохика, писателя XI века. М., 1864.
12. Тураев Б. Исследования по истории Эфиопии. Спб., 1902.

Р.Э. Веббер: Критика массового евангелического христианства

Экуменический и нехристианский опыт

Я—евангелист. Ведь я вырос в Африке, где мои родители служили в Африканской внутренней миссии. Я учился в четырех евангелических заведениях. Я преподавал в евангелической семинарии и в двух евангелических колледжах. Мои книги издавались евангелическими издательствами. И даже мои лучшие друзья—евангелисты. Таким образом, я—евангелист по рождению, по культуре, по образованию и по доброй воле. Итого я—четырежды евангелист. Но здесь я обращаюсь к вам не как защитник евангелизма, а как критик. Еще в колледже у меня

возникло критическое отношение к нему. Я вдруг увидел в евангелической церкви и в себе в связи с ней что-то поверхностное, ограниченное и ханжеское. Это открытие заставило меня доискиваться чего-то большего. Я начал интересоваться прошлым. Я задавал себе такие вопросы: какова природа этого феномена? какие люди и исторические события сформировали его? как выглядит евангелическое христианство в сравнении с другими христианскими конфессиями? Мои блуждания привели меня к изучению истории церкви; и лишь тогда, когда я открыл для себя отцов раннехристианской церкви, я начал улавливать то, что беспокоило меня в евангелическом христианстве. Мои замечания нельзя отнести ко всем евангелическим сектам в равной степени. Дело в том, что существует более десяти различных евангелических субкультур. Более того, евангелическое движение настолько динамично, что я не могу быть уверен в том, что моя сегодняшняя критика какой-то отдельной субкультуры будет справедлива завтра. Для примера позволю себе описать три различные фазы, через которые прошло евангелическое христианство в этом столетии. Первой была фаза фундаментализма. Можно сказать, что она началась в 1910 г. и закончилась в 1950 г. Это был период рождения и роста. Вторая фаза началась после второй мировой войны и продолжалась до конца 60-х годов. Ее назвали неоевангелической эрой. Так как неоевангелический период начался непосредственно после фазы фундаментализма, он сохранил его характерные черты. И все же из-за динамичности он во многом не похож на период фундаментализма. Нельзя сказать, что сепаратизм стал его характерной особенностью, но энтузиазма по поводу экуменических отношений явно поубавилось. Нельзя сказать, что это был период фетишизации библейских текстов, но все же это был период весьма осторожной их критики. Нельзя сказать и того, что в этот период придавалось исключительное значение каждой отдельной личности, но все же наметилась явная тенденция к более активному участию в жизни общества. В эти годы приобрели известность Билли Грэм, Гарольд Линдселл, Карл Ф.Х. Генри и Гарольд Оккенга. Самыми известными колледжами считаются Уитон, Гордон и Вестмонт, лучшими семинариями стали Гордон-Конвелл, Фуллер и Богословская евангелическая школа Св.Троицы; наиболее серьезными изданиями являются «Christianity Today» ("Христианство сегодня") и «Eternity» ("Вечность"); самыми уважаемыми издательствами являются «Eerdmans», «Zondervan», «Baker» и «Tyndale». В этот период начали свою работу многочисленные миссии, молодежные пастырские объединения, радио и телевидение, общественные агентства и другие, чья деятельность сегодня охватывает весь мир. Духовенство лишь одного евангелического течения, берущего начало в Уитоне (который сейчас любовно называют Ватиканом евангелизма), составляет несколько тысяч человек, эффективно работающих во всех странах мира. Третья фаза началась с 70-х годов; в этот период в деятельности евангелических церквей проявляются активная вовлеченность в общественную жизнь, тенденции к критическому толкованию Библии, повышенное внимание к общению в теоретическом и практическом планах и к росту стихийного экуменического движения, а также интерес к историческим и теологическим корням. Евангелизм 70-х годов можно сравнить с фейерверками по случаю празднования годовщины независимости—Четвертого июля. Отовсюду запускаются маленькие ракеты. Они освещают небо и рассеиваются. Большинство из них все еще летает, что создает невероятную путаницу и неразбериху. Дело в том, что никто не может справиться с этой третьей фазой. Поэтому мы все изо всех сил стараемся найти ей определение. В 1973 г. Ришар Кебеде (Quebedeaux) назвал нас «молодыми евангелистами», а теперь он говорит, что мы «мирские евангелисты» (см. статью Кебеде в «New Oxford Review», март 1978 г.). Как бы то ни было, все три фазы являются частью современного евангелизма, а мы, нынешние евангелисты, – одной из его модификаций; в настоящее время никто не может говорить от имени единой евангелической церкви. Я представляю незначительное меньшинство среди множества приверженцев евангелизма (к тому же евангелизма третьей фазы). Мы предпочитаем называть себя ортодоксальными евангелистами. Это подразумевает, что мы восхищаемся трудами отцов церкви и считаем, что их прозрения позволяют вносить ценные поправки в то, что, как мы полагаем, является лишь слабой тенью исторического христианства в структуре массового

евангелического христианства. Но, учитывая сложную и разнообразную природу евангелизма, я первый признаю, что то, о чем я собираюсь говорить, не относится ко всем в равной степени. Итак, я собираюсь пустить свою ракету в небо. Если кому-то понравится игра ее огней,—прекрасно. Если нет... ну что ж, мы по-прежнему останемся просто братьями и сестрами. Главной проблемой массового евангелического христианства является то, что ему не удалось познать полностью смысл Воплощения. Оно не в состоянии высветить все детали в тайне Воплощения. Я думаю, что тайна Иисуса Христа—совершенного Человека и совершенного Бога—есть главный парадокс истории человечества. При том, что Воплощение является уникальным событием в истории—неповторимым и возможным лишь как воплощение Бога во Христе—меня интересует, какую возможность дает нам Воплощение, чтобы осмыслить действительность. Оно подтверждает неотъемлемое присутствие божественного начала в человеческом и убеждает нас в изначальных добродетелях мироздания. Оно говорит решительное «да» всему видимому, осязаемому, земному. А из этого следует решительное «нет» отрицанию материальности со стороны всех приверженцев гностицизма и докетизма.

Существует шесть областей, в которых массовому евангелическому христианству не удастся осознать сущность Воплощения. Именно в этих областях находятся наши слабые места, и именно на них мы должны сосредоточить свои усилия в будущем, чтобы обрести настоящую зрелость и способность предложить церкви эффективное руководство. Эти шесть областей включают в себя наше видение истории, вопросы о Церкви, о Священном Писании, о теологии, о поклонении и о духовенстве. Во-первых, об истории. Смотреть на историю сквозь призму Воплощения, значит, признавать существование человеческих и божественных начал в процессе истории. Эта точка зрения утверждает, что непознаваемый Бог внутренне присущ миропорядку, что Он движет исторический процесс посредством Своего мироздания, что Он постоянно присутствует в историческом процессе, что Он искупает историю, пропуская ее через Себя в Воплощении, смерти и Воскресении, и что Он движет историю к ее завершению в последнем дне. Проблемой массового евангелизма является то, что мы не объединили теологические идеи о Воплощении с теологическими идеями о мироздании, как и идеи об Искуплении с эсхатологией. Мы полагали мироздание статическим, споря о том, создал ли его Бог за семь дней или нет, упуская, таким образом, религиозное значение мироздания и продолжающуюся историческую деятельность Бога. Мы рассматривали Искупление в рамках индивидуализма, споря о том, имеет ли Искупление ограниченный характер или оно дано было всем, совершенно игнорируя понятие о том, что в Христе—все. Эсхатологию мы превратили просто в доктрину о тысячелетнем царстве Христа, споря о том, окончится оно раньше или позже этого срока, и упуская, таким образом, то главное, что все сущее «ожидает с упованием» дня, когда будет утверждено до конца, «чтобы быть неповинным». В результате этот взгляд на историю оказался близким гностицизму. Бог будто бы лишь частично и периодически причастен к истории. К тому же в человеческой истории Бога будто бы интересуют лишь души. Искупление становится действием, посредством которого души могут быть освобождены из своего заточения. Эсхатология превращается в заключительный эпизод, когда материальный мир будет разрушен навсегда, и уцелеет лишь духовный. На практике такое отношение к истории проявляется в поведении тех, кто сопротивляется вовлечению в жизнь общества. Такое сопротивление выдает приверженцев этики, основанной на психологии индивидуализма и затворничества, отдающей предпочтение душе перед телом, личному перед общественным, неосязаемому перед осязаемым. Бога, говорит этика, не интересует ничто материальное, физическое, мир ощущений. Более того, непризнание истории проявляется в неисторичности евангелического христианства. Наше историческое сознание не идет дальше Дуайта Л. Муди или, в крайнем случае, Реформации. Лишь немногие из нас считают себя причастными к церковной истории, берущей начало в I веке нашей эры. Нам чужда идея о непрерывности исторических событий, которая помогла бы нам осознать свое место в истории церкви как в контексте целого. Мы осознаем себя лишь в связи с эпизодическими взрывами евангелического энтузиазма, там и сям отмеченными в истории церкви. Во-вторых, о Церкви. В

божественных книгах Церковь предстает как собрание народа Божьего, как Божье строение, как собрание верующих во Христа, Тело Христово. В этом смысле Церковь призвана действовать как продолжение Воплощения. Церковь—это существование Христа в мире через пастырство, Священное Писание и Святые Дары Евхаристии, переданные апостолами и охраняемые и оберегаемые присутствием Святого Духа. С другой стороны, Церковь насквозь человечесна. Она представляет собой видимые и осязаемые сообщества людей, расселившиеся по всему земному шару. Для нее характерно все, что есть человеческое,—конкуренция, зависть, непонимание, политиканство и соперничество. И все это выражается во множестве разнообразных форм в зависимости от различия культур. В одном случае что-то противоречит культуре, в другом—вполне ей соответствует, в третьем—подчиняет себе культуру. При этом смешиваются отжившее и живое, слабость и сила; и все это, вне зависимости от местонахождения или внешнего вида,—Церковь, да, Церковь. Проблемой массового евангелического христианства является то, что нам не удалось осознать таинственную двойственную природу видимой Церкви. Мы отделяем человеческое от божественного и не видим присущность божественного человеческому. Результатом является что-то вроде «церковного докетизма». Подобно представителям докетизма, не признававшим в Христе телесного человека, мы отказываемся понять человеческую природу Церкви. Из-за этого в миру Церковь становится довольно туманной и неопределенной сущностью. На практике эта тенденция в духе докетизма проявляется в нашем неправильном понимании человеческого аспекта Церкви. Прежде всего это выражается в сущностном кризисе. Что же в свете всего сказанного представляет собой Церковь? Так как на ту природную особенность Церкви, что она является олицетворением присутствия Христа в мире, мало кто обращает внимание, Церковь становится тем, чем ее делают сильные личности. Она становится лекционным залом, кабинетом психоаналитика, палаткой евангелиста или местом дружеских сборов. Кроме того, наша тенденция, близкая докетизму, приводит к кризису влияния. Нам не удается осознать, каким образом влияние Христа находит выражение в Церкви как пастырское служение, переданное апостолами. Вместо этого мы организуем структуру влияния по образу человеческой власти. Церковь становится институтом власти. Некоторые пастыри становятся тиранами, другие превращают Церковь в свое королевство, а третьи делают ставку на культ личности. В-третьих, о Священном Писании. В божественном смысле Священное Писание—это дыхание Божие. Оно пришло от Бога как откровение через вдохновение пророков и апостолов. Священное Писание—это живой голос Бога, обращенный к его народу, а через него—к миру. Оно имеет божественную природу, и отсюда его влияние. С ним следует обращаться уважительно и благоговейно. Ему следует внимать с верой. Вместе с тем Священное Писание глубоко человеческо. Оно не писалось на небесах рукой Бога. Оно пришло к нам через жизненный опыт мужчин и женщин, преодолевших жизненные невзгоды. В нем рассказывается о победах и поражениях народов, отдельных людей, общин. Ошибкой евангелистов в отношении к Священному Писанию было то, что они чрезмерно подчеркивали божественную сторону Священного Писания. Во многих наших церквях не уделяют внимания исторической обстановке, состоянию культуры или философским предпосылкам, на основе которых появилось Священное Писание. Зачастую цитаты выхватываются из контекста, интерпретируются весьма субъективно, разбиваются на группы божественных суждений, из которых после их разбора и систематизации можно составить справочник расхожих истин. Результат ужасен. Он практически закрыл дверь перед разумным обсуждением вопроса о природе Священного Писания. Некоторые склонны обвинять в вероотступничестве тех, кто задает трудные вопросы. Другие ограничивают себя тем, что придают буквальное значение всему, включая поэзию, предание, миф, притчу,—тем самым теряет имевшийся в виду смысл. Более того, некоторые из нас сдали позиции перед рационалистическими и эмпирическими методологиями человека Запада. Мы утверждаем, что христианство можно защитить с помощью разума, и таким образом настраиваем себя на христианство, из которого ушла тайна. Мы заменили свидетельство Святого Духа на силу и убеждение интеллекта и таким образом

открыли дорогу для окончательного неприятия силы и влияния Священного Писания. В-четвертых, о теологии. С божественной точки зрения, теология привлекает интуитивной верой Церкви, верой, которая всегда была в душе Церкви, дана Церкви Святым Духом как дар понимания. Это неопределенная, теоретически необоснованная, бессистемная истина о христианском восприятии действительности. О ней говорится на страницах Священного Писания в коротких утверждениях, относящихся к вероучению, в ранних сводных правилах вероучения и в дошедшей до наших дней церковной литургии. Вместе с тем теология—это почти то же самое, что человеческое размышление об истине. Это усердное старание понять и перевести на выразительный язык смысл церковного учения. Как результат существует множество теологических систем, каждая из которых серьезно относится к содержанию библейской структуры реальности. Но эти теологические системы сами по себе не являются истиной, а лишь земными сосудами, которые в лучшем случае содержат в себе истину, а в худшем—прячут эту истину. Проблема массового евангелизма состоит в том, что нам не удалось провести различие между верой и формулировкой. В результате этого мы подняли наши человеческие теологические системы до положения истины. Мы действуем так, будто истина—не личность, а система. Эта система в таком случае превращается в средство, с помощью которого мы судим друг о друге. Те, кто не согласен с нашей системой, в лучшем случае ошибаются, в худшем—вероотступники. Такой подход является практически результатом стремления обо всем выносить суждения, в этом случае само действие конечно. Этот подход выхолащивает истину—он ее определяет, проясняет, систематизирует, анализирует, после чего она оказывается безжизненной. Истину помещают под микроскоп и ожидают, что она не шелохнется. Такой подход леденит, лишает жизни; он является механистическим и поверхностным. В нем нет глубины, нет тайны, нет парадокса. В-пятых, о поклонении. Историческая Церковь всегда признавала, что форма и тайна в поклонении составляют одно целое. Из божественной перспективы глядя, мы постоянно пребываем в присутствии Божьем. Например, в литургии Иоанна Златоуста молящийся осознает Причащение с «тысячей архангелов и тьмой ангелов, херувимов и серафимов шестикрылых». «С этими божественными силами» молящийся тоже вопиет и глаголет: «Свят и пресвят Ты». Кроме того, Бог во Христе присутствует для молящегося в святом Причащении Его Тела и Крови. Вместе с тем человеческий аспект поклонения подтверждает, что эта основа является подходящим средством для передачи духовного начала. Принцип Воплощения навсегда утверждает значение формы—осязаемой и материальной—как средства, которое делает возможным присутствие божественного начала. Массовый евангелизм по большей части лишился чувства присутствия божественного начала в человеческой форме. Мы восприняли близкий гностикам взгляд на использование формы при поклонении. Это проявляется в нашей антипатии к записанным молитвам, в нашем отказе от использования тела, в нашем небрежении к чувствам, в изъятии реального присутствия из Причащения, в отказе от христианского взгляда на время, выражающемся в церковном году и суточном круге богослужения, в нашей неспособности понять связь между литургией и архитектурой, литургией и искусством, литургией и музыкой. Результатом всего этого является гуманизация поклонения. Поклонение приобрело человеческую направленность, и как таковое имеет целью развивать наш ум, улучшать наше самочувствие или обеспечивать формулой успеха. Провозглашение сменилось объяснением, форма—спонтанностью, Причащение—приглашением, похвала—развлечением, присутствие—индивидуальностью, Святой Дух—искусными способами манипулирования, литургическое восприятие пространства—аудиториями, сконцентрированными вокруг кафедр, христианское восприятие времени—национальными праздниками, священный танец—кривлянием проповедников, алтарь—эстрадой, церковный хор—громкими и надоедливymi личными приветствиями, наряды—броской и даже вызывающе непристойной одеждой. Мы не смогли понять, что наше отрицание формы не столько отрицание, сколько замена одной формы на другую. Мы—создания формы. То есть, по сути, речь идет не о форме, а об искусстве. Таким образом,

наше отрицание формы является отрицанием хорошего искусства. Его место мы предоставляем плохому искусству—дешевому, непристойному, низкого качества. В-шестых, о духовности. Рассмотрение духовности из перспективы Воплощения, учитывая двойственную природу последнего, позволяет признать существование в духовности мистического и практического начал или того, что мы легко можем в данном случае назвать человеческой и божественной сторонами духовности. Эти две стороны духовности, о которых говорили святой Матфей и святой Павел, не исключают, а дополняют друг друга. Матфей подчеркивает необходимость духовности, формирующейся в светских структурах жизни и проявляющейся в банальных событиях нашей каждодневной деятельности. Это земная духовность. Святой Павел, не отрицая значения мироздания или земного, определенно склоняется к более мистической духовности. Он призывает к аскетическому отречению, к обращению и обновлению. Проблема духовности массового евангелического христианства состоит в том, что она создана специфической субкультурой. Наша духовность начинается с обращения. Не всегда это имеет смысл «отбрасывания старого» и «обретения нового» в том смысле, что мы отворачиваемся от идей, господствующих в мире, и раскрываем объятия ясному и простому примеру Иисуса. Чаще это обращение имеет смысл вхождения в субкультуру, которая отличается от остального мира исключительно в моральном и личном планах. Например, мы настаиваем на воздержании от употребления алкогольных напитков, от курения, от танцев, от распутства и безнравственных поступков. Но в то же время мы легко относимся к тому, что наша религия поддерживает капитализм и американский образ жизни (в некоторых случаях и социализм). Не моргнув глазом, некоторые из нас поддерживают войну, американскую империалистическую внешнюю политику и миропорядок, при котором угнетаются бедные и который мешает развитию более справедливого общества. Другими словами, нашей основной проблемой является то, что мы поступаем согласно этике индивидуализма и затворничества, а не согласно общественному и корпоративному этическому сознанию. Задача евангелической духовности, действительно, очень сложна. И человеческий, и божественный аспекты присутствуют в нашем подходе к духовности, но они неправильно соединены. Человеческая сторона слишком ориентирована на американский образ жизни, на государственные цели и на ценности среднего класса. Нам нужна человеческая форма духовности, которая, ориентируясь на библейские ценности, сможет устоять против ценностей, властвующих над мечтой среднего класса. Если мой анализ правилен, как следует рассматривать массовый евангелизм? Массовый евангелизм видится мне как движение, возникшее для того, чтобы защитить божественную сторону христианского обращения. Теологический модернизм XX столетия делал чрезмерный упор на человеческое. Это придало евангелизму холодный, мертвый, стерильный и безжизненный вид, от которого он начинает избавляться, черпая энтузиазм в вере в Бога и в силу Его. Если верно, что евангелизм может исправить сверхчеловеческое христианство, должны ли мы стараться исправить евангелизм? Мой ответ—громкое «Да!». Христианство в Америке XX века отмечено двумя крайностями: модернистской гуманизацией христианства и евангелическим обожествлением христианства. Нам нужно равновесие. Оба направления должны считаться с суждениями апостольского христианства. Каково будущее евангелического христианства? Я верю в его будущее. Я замечаю много знаков открытости. Во всем мире стихийный экуменизм сближает приверженцев евангелического христианства, протестантизма, православных христиан и католиков. Ломаются барьеры и возникает чувство нашей общности как народа Божьего. Я надеюсь, что этот дух будет продолжать пребывать в церкви, и те из нас, что зовутся евангелистами, станут лучше от общения с другими христианами, а другие станут лучше от общения с нами. Возможно, однажды мы все сможем сидеть за дивным столом у нашего Господа и восхвалять Его за Его милость к нам, несмотря на наши богословские ошибки, недостаток духовности и этические прегрешения.

Священник Георгий Кочетков: Православно-протестантский диалог по вопросам миссии

Экуменический и нехристианский опыт

(Тезисы для размышлений - к выступлению на конференции в Христианском исследовательском центре, Москва, 23 мая 1994 г.)

Есть два вопроса, и оба - плоды греха разделения христиан: существует ли общая почва для христианского служения - и православного, и протестантского; и возможно ли свидетельствовать им о Христе в России без прозелитизма? Хорошо, что стали об этом всерьез задумываться. На оба вопроса надо ответить и «да», и «нет», ибо еще не произошло что-то важное в нашей жизни, что позволило бы говорить однозначно. Да, есть «общая почва», если мы действительно признаем друг друга христианами. И, увы, для многих ее нет, ибо много православных, которые считают, что в России всякая почва - православная и для православных, а многие протестанты полагают, что вся эта «почва» - миссионерская, как в джунглях, и никакого православия на ней не видят и видеть не хотят. Да, возможно свидетельствовать о Христе в России без прозелитизма, если это свидетельство именно о Христе, и нет - прозелитизм был, есть и будет, поскольку к такому свидетельству о Христе присоединяется еще и свидетельство о себе. Оба «нет» выявляют ничто иное, как маловерие и гордыню, но «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». Главное - оба «да». Наша «общая почва» - Любовь и Свобода, вера в Бога и вера в человека. Поэтому наша «общая почва» - Библия, Крещение и Символ веры. Это наше общее достояние, то, что позволяет по-настоящему отнестись друг к другу как к христианам, какие бы противоречия у нас ни были. Хотя почти все признают, что эти противоречия есть, и не одни внешние, а еще внутренние и значительные. Есть у нас и «общая» мировая христианская культура, хотя здесь противоречий еще больше. К тому же сама Россия - океан, и подходить к ней несерьезно нельзя! Необходима терпимость друг к другу. Все может соединять нас и разделять. Надо специально говорить в общинах о том, что нас соединяет. Трудности же есть с обеих сторон. У православных обычно есть недоверие к протестантам и убеждение в их агрессивности. Эту агрессию видят там, где вкладываются ими в России большие деньги, ведется большое строительство (например, молитвенных домов) и издательское (или книготорговое) дело. Если и говорят о «хороших протестантах», то считается, что в России они не появляются. Для православной традиции характерно, при ее собственной большой противоречивости и многообразии, нежелание дробить Церковь и традицию народа и страны. «Русские» не знают многообразия христианских конфессий и потому слишком легко противопоставляют их. Они не думают ни о каком взаимодополнении и очень ценят не только (иногда и не столько) мистическое, сколько сакраментальное и каноническое единство Церкви, что требует максимума ответственности. Поэтому от «чужих» ожидают только помощи в своем деле и, как правило, только для себя. Протестанты же очень различны. Они часто не знают и не ценят православную традицию, видят не лучшие проявления православной жизни и думают, что это и есть Православие. Потому легкомысленно его отрицают и критикуют. Или считают, что Православие - одна из протестантских деноминаций, и уравнивают всех, забывая о специфике православного самосознания, которое осознает себя «материнским лоном» всего христианства, ибо и Писание - с востока, и Символ веры, и Вселенские соборы, и многие из лучших св. отцов, подвижников и исповедников веры. Не забудем что, никогда ранее в России не было подобной нашей эпохи - чтобы народу приходилось восстанавливать веру с ее основ (в отличие, например, от Грузии, Армении и т. д. .

где и нет такого страха перед этой задачей). Все церкви сознают, что со своей проповедью вносят что-то из своей культуры - всерьез и надолго. Но еще привносят и свои проблемы. Отсюда в России такое сопротивление любой неправославной проповеди. В России нельзя начинать проповедь о Христе с нуля. Нельзя слишком упрощать христианство. И нельзя пользоваться в своих целях слабостью народа, перенесшего тяжелейшее коммунистическо-атеистическое иго. Увы, многие иностранные проповедники обо всем этом также забывают. Протестантам надо понять, почему в России плохо прививается еkkлезиологическая «теория ветвей», которая подходит, может быть, для многих из них. Необходимо взаимно прекратить практику перекрещивания, которая ныне стала распространяться и в Православной церкви в отношении протестантов, переходящих в Православие, чего прежде не было. Необходимо быть очень осторожными в своей критике других церквей. Конечно, нельзя оставлять без внимания новообращенных. Протестанты в России не должны иметь внутреннего ориентира на создание из новопросвещенных непременно своих церквей-общин. Лучше дать им выбрать общину-церковь из уже существующих в данной местности, объективно познакомив с ними сразу же. Но желание верующих создать новую общину или новую церковь - их законное право. В любом случае лучше вместе делать то, в чем мы не расходимся. Это собственно проповедь (миссия), катехизация, диакония, издание и распространение общезначимых книг и т. д. И наконец, как бы ни было трудно сотрудничать с уже существующей местной иерархией, это всегда желательно делать, согласовывая свои действия и планы. Иногда для этого нужно и взаимное покаяние. Все это поможет снять существующее напряжение и сблизить христиан в их служении Богу, Церкви и всем ближним.

Антонина Сымонович: Молитва. Поверила...

Поэзия

МОЛИТВА

Матерь Божия, У подножия Я стою на бездорожии, На коленях в грязи, Милуй или грози,
?Вспомяни о Руси, Вспомяни о Руси.

ПОВЕРИЛА...

Меньше, чем себе -и заболела, Как самой себе -и просветлела, Больше, чем себе -и полюбила. А
у тебя не так все это было?

А. В.

Опять настали времена, похожие на детство: не отрываясь от окна, я замышляю бегство. Чуть-чуть раздвинулось кольцо домашнего сиротства, неведение конца концов мне вместо руководства. Блажен, кто верит темноте, не понимая вести, что на какой-то там версте ограбят и повесят. Блажен, кто, выйдя на мороз, не знает расстоянья и думает еще всерьез измерить мирозданье. 1987

Я знаю, свой всему черед, и я надеюсь на отраду, как солнце летнее пройдет по замерзающему саду, в какой-то час, в какой-то год, как зазвонит в стекле оконном многоголосый хоровод на языке почти знакомом, всему вокруг придав черты воскресной, в горних, литургии, -и побегут ростки живые из многолетней темноты. 1987